

ТУРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫ

ТАРЫХ, АРХЕОЛОГИЯ ВЕ ЭТНОГРАФИЯ ИНСТИТУТЫ

ТАРЫХ,
АРХЕОЛОГИЯ ВЕ ЭТНОГРАФИЯ
ИНСТИТУТЫНЫҢ
ИШЛЕРИ

VI т.

Этнография сериясы

ТУРКМЕНИСТАН ССР ЫЛЫМЛАР АКАДЕМИЯСЫНЫҢ НЕШИРЯТЫ

Ашгабат 1962

АКАДЕМИЯ НАУК ТУРКМЕННОЙ ССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ,
АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

т. VI

Серия этнографическая

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТУРКМЕННОЙ ССР

Ашхабад 1962

же закономерное сочетание общих форм с локальными особенностями отмечается и в быту, и во всей общественной жизни.

Залогом успешного хода социалистического преобразования экономики и культуры населения Чарджоуской области явилось то, что при проведении этих преобразований учитывались местные особенности. В области аграрных отношений своеобразие и специфика проявлялись не только в формах владения землёй, но и в системе орошения, имевшего огромное значение в хозяйственной деятельности населения.

При всей отсталости экономики, культуры и быта туркменского населения долины Аму-Дарьи последовательное и успешное осуществление национальной политики привело к невиданным в истории успехам. Материалы нашего обследования дают возможность заключить, что процесс национальной консолидации в районах Чарджоуской области достиг высокого уровня развития. Верным показателем этого служит то, что современная молодёжь уже не знает о прежнем родоплеменном делении, обособленности и этнической изолированности.

XXII съезд КПСС, его материалы и решения являются великим событием современности. Они окажут огромное воздействие на ход исторических событий. Его всемирно-историческое значение состоит в том, что он ознаменовал вступление народов СССР в новый период развития — в период развёрнутого строительства коммунистического общества.

Уже сейчас мы видим на примере Чарджоуской области замечательные ростки нового во всё возрастающем движении бригад коммунистического труда, участники которых решают задачи не только дальнейшего повышения производительности и культуры труда, ликвидации отставания в быту, соблюдения коммунистической морали, но и в деле дальнейшего, ещё большего подъёма благосостояния и культуры туркменского народа.

КУРБАН ОВЕЗБЕРДЫЕВ

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ ТУРКМЕН-САРЫКОВ ПЕНДИНСКОГО ОАЗИСА

Цель данной работы — показать на историко-этнографическом материале некоторые особенности быта, семейных отношений, материальной и духовной культуры туркмен-сарыков в прошлом и те огромные изменения, которые произошли в их жизни за годы Советской власти.

Она написана на основе полевых материалов, собранных автором в 1950—1952 гг. в Марыйской области ТССР.

Большой материал почерпнут автором у стариков-информаторов колхоза «Коммунизм» Тахта-Базарского района.

Немаловажное значение при написании данной работы имели также наблюдения автора за период его работы в туркменских аулах в годы коллективизации.

В литературе как советского, так и дореволюционного периодов нет специальных работ, посвященных этнографическому описанию туркмен-сарыков. Отдельные сведения о туркменских племенах Мургабского оазиса встречаются в работах дореволюционных авторов¹, однако они нередко проникнуты тенденциозностью, и достоверность их подчас сомнительна.

Подлинно научное этнографическое изучение туркмен началось лишь в советское время.

¹ См., например, П. М. Лессар. Юго-Западная Туркмения. Сборник материалов по Азии, вып. 13, Спб., 1884; А. И. Кияшко. Военный обзор Закаспийской области. Асхабад, 1896; А. Ломакин. Обычное право туркмен (адат). Асхабад, 1897; Ф. А. Михайлов. Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк, Асхабад, 1900.

Вольшой фактический материал по истории туркменского народа содержится в очерке академика В. В. Бартольда¹. Важным историческим материалом являются данные, извлеченные из арабских, иранских, хивинских и бухарских источников VII—XIX вв., собранные в двухтомник², изданный к 15-летию Туркменской ССР. Исследованию хозяйства туркмен посвящена работа М. А. Немченко³, в которой все же допущен ряд ошибок.

Немалые заслуги в многолетнем этнографическом изучении туркменского народа принадлежат Г. И. Карпову⁴. В опубликованных им этнографических работах много внимания уделено родоплеменному делению туркмен, в частности сарыков, которым он посвятил отдельную брошюру⁵.

Много ценного по истории и этнографии туркмен дают работы С. П. Толстова⁶, П. Иванова⁷, В. Г. Мошковой⁸ и Я. Р. Винникова⁹.

Кроме того, в работе были использованы архивные материалы, главным образом Марыйского облгосархива, Центрального госархива Туркменской ССР, а также соответствующих отделов Тахта-Базарского РИКа, архива Союналинско-го сельсовета и колхоза «Коммунизм».

Далекое прошлое туркмен-сарыков и их происхождение— вопросы, еще мало изученные. В преданиях, собранных

¹ В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа. В сборнике «Туркмения», т. I, Изд-во АН СССР, Л., 1929.

² Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I, Изд-во АН СССР, М.—Л., 1939, т. II, 1938.

³ М. А. Немченко. Динамика туркменского крестьянского хозяйства, Полторацк—Асхабад, 1929.

⁴ См. заметку Г. И. Карпова «Этнографическая работа в Туркмении», «Советская этнография», № 1, 1946.

⁵ Г. И. Карпов. Племенной и родовой состав туркмен, Полторацк (Асхабад), 1925; Родословная туркмен, «Туркменоведение», № 12, 1928 и № 1, 1929; он же. К истории туркмен-сарыков, Ашхабад, 1946.

⁶ С. П. Толстов. Родовое деление туркмен. Рукопись. Архив АН Туркменской ССР, № 607; Древний Хорезм, М., 1948; По следам древнехорезмийской цивилизации, М., 1948, стр. 245 и др.; основные проблемы этногенеза народов Средней Азии, «Советская этнография», VI, VII, 1947, стр. 304; Города Гузов. «Советская этнография», № 3, 1947, стр. 55; Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 9, 10, 1935 и др.

⁷ П. Иванов. Основные типы жилища туркмен в переходный период, «Туркменоведение», № 11, 1930.

⁸ В. Г. Мошкова. Племенные «голи» в туркменских коврах. «Советская этнография», № 1, 1946.

⁹ Я. В. Винников. Новый быт туркменских колхозников Марыйской области. «Советская этнография», № 1, 1950; Современное жилище дайхан Марыйской области. «Советская этнография», № 2; Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области Туркменской ССР, «Среднеазиатский этнографический сборник», № 1, М., 1954.

Абульгази в XVII веке, происхождение сарыков, как и текинцев, связывается с салорами¹. Г. И. Карпов приводит в очень кратком изложении несколько вариантов родословной сарыков².

Материалы, собранные Г. И. Карповым, свидетельствуют о чрезвычайно сложных путях передвижения туркмен-сарыков в прошлом. По этим данным, они побывали на Мангышлаке, в Хиве и на Мургабе; по сведениям иранских, бухарских и хивинских хроник, сарыки в первой половине XVIII в. вместе с туркменами-теке передвинулись в район Чарджоу. В 1817—1918 гг. часть сарыков и салоров заняла районы Мары и Серахса³.

До 1857 г. сарыки жили в Мервском оазисе, но под натиском туркмен-теке вынуждены были продвигаться вверх по течению Мургаба, где заняли Иолотанский оазис, вытеснив оттуда туркмен-салоров. Вскоре они поднялись еще выше и заняли земли джемшидов и племени теймура в Пендинском оазисе⁴.

По данным 1893 г., пендинские сарыки насчитывали 3573 кибитки (хозяйства) с количеством населения 14380 человек⁵.

Сарыки расселились в Пенде, придерживаясь в своем быту старинных патриархально-родовых обычаев.

Туркмены-сарыки Пендинского оазиса делились в прошлом на 5 родов: сухты, байрач, хорасанлы, алаша и херзеки, считавших себя чистокровными сарыками. Кроме этих пяти основных родов, у сарыков было еще три рода (гызылмырад, беденг, галбаш), которые примкнули к ним позднее⁶.

В настоящее время потомки туркмен-сарыков населяют Тахта-Базарский, Иолотанский, и, частично, Туркмен-Калинский районы Марыйской области.

Туркмены-сарыки, так же как и большинство других туркменских племен, издавна вели кочевой образ жизни. Несмотря на значительные земледельческие традиции, особенности их материальной культуры (жилище, одежда и т. п.) определялись в прошлом главным образом кочевым образом жизни. Поэтому неслучайно туркмены-сарыки в прежние времена на вопрос «Где живете?» отвечали: «Хатаб галасында» (живем в крепости верблюжьего седла), то есть кочуем. Сохранению

¹ Абуль-Гази Богадур-хан. Родословная туркмен, Асхабад, 1897.

² Г. И. Карпов. К истории туркмен-сарыков. Ашхабад, 1945.

³ Там же, стр. 10.

⁴ Кияшко. Очерки Закаспийской области. «Военный сборник», т. ССXXXVI, Спб., 1897, стр. 369 и др.

⁵ ЦГА ТССР, ф. I, оп. 2, д. 7762, л. 27.

⁶ Ср. П. М. Лессар. Юго-Западная Туркмения. Сборник материалов по Азии, вып. XIII, Спб., 1884, стр. 19.

⁸ Труды Ин-та истории, арх. и этногр., т. VI

кочевого образа жизни туркмен способствовали также бесконечные войны и грабительские походы феодальных правителей Бухары, Хивы, Ирана.

Только после вхождения Пендинского оазиса в состав России (1885 г.) родовые подразделения сарыков получили возможность выбрать постоянное место для своих аулов и, веря в то, что и потомство их будет спокойно жить на той же территории, начали в Пенде в своих селениях сажать деревья. При разбивке аулов сарыки строго придерживались родового принципа расселения, соблюдая определенный порядок расположения жилищ даже в мельчайших тире.

В прошлом в Пенде основным типом жилища туркмен-сарыков оставалась юрта—спутница прежней кочевой жизни. Бедняки строили кепбе (круглые шалаши из камышовой циновки, обмазанной глиной, смешанной с соломой).

В конце XIX в. в Пенде появились глинобитные дома (там)¹.

Юрта состояла из трех видов различных материалов — дерева (агач), кошмы (кече) и камыша (гамыш). Деревянная часть — костяк (сунк) юрты состоит из 4-х основных частей: нижняя часть юрты (тэрим) состояла из 4—6, иногда (очень редко) 8 решетчатых складных стен (ганат, тэрим), по количеству которых определяется величина юрты. Юрта из 6 крыльев имела следующее устройство.

Одно крыло юрты состояло из 30 деревянных планок, лежащих в два внутренних и внешних ряда, с наклоном внутреннего ряда к внешнему, которые, пересекая друг друга через каждые 10 см², образуют решетку, состоящую из многочисленных ромбовидных клеток, так называемых «гезенек»², что позволяет складывать крыло при кочевке. Одна сторона каждого крыла снабжена десятью шнурками (багыш йуп), по одному шнурку на каждой крайней клетке, при помощи которых одно крыло объединяется с соседним крылом или же с боковым косяком (сое) двери.

Средняя часть юрты состояла из многочисленных изогнутых жердей (уг)³ длиной около трех метров, имеющих в нижней части по одному шнурку (уг баг). При помощи этих шнурков каждая жердь закрепляется на одну рогатку (баш), имеющуюся в самом верхнем ряду каждого крыла (по 20 штук). Нижние концы передних восьми жердей (алын уг), не имеющих шнурков, входят в отверстия, специально

¹ Ср. П. М. Лессар. Юго-Западная Туркмения. Сборник материалов по Азии, вып. 13, СПб., 1884, стр. 20, 21.

² Пересечение двух (внутренних и внешних) палок (сакана) закрепляется кожаной тесьмой (тасма), продернутой через специально просверленные отверстия. Закрепляются не все пересечения (сакана), а через одно.

³ «Уг», по-текински «ук».

прорубленные на верху верхнего косяка двери (ёкарки босога).

Верхняя часть юрты состоит из согнутого выпуклого купола (туйнук), состоящего из трех деревянных кругов (айлав)¹, различных диаметров, а также из согнутых (18 штук) тонких жердей (чагарык). Половина этих жердей, перекрещивая другую половину в самом центре круга и проходя сквозь 2 внутренних круга, своими обоими концами входит внутрь крайнего толстого кольца, образуя четыре треугольные отверстия у купола, то есть дымохода. Там, где они перекрещиваются, эти жерди плотно привязываются друг к другу кожаной тесьмой. Внешний круг купола имеет 128 четырехугольных отверстий, через которые проходят верхние плоские концы (бала) согнутых жердей (уг). Таким образом, эти жерди держат купол на определенной высоте.

Дверь (ишик, гапы), имеющая две створки (гавса), состоит из порога (ашыкы босога), верхнего косяка (ёкары босога) и двух боковых косяков (сое). Порог и верхний косяк имеют по двум краям по 2 круглых и четырехугольных отверстия, в два из которых (четырёхугольные) надеваются оба конца (аяк) двух боковых косяков, а в остальные два (круглые) — оба конца самой двери. Дверь открывается во внутрь.

Решетчатая складная стена юрты снаружи покрывается четырьмя прямоугольными белыми или темно-серыми кошмами (дурлук), имеющими на верхнем краю шнурки, при помощи которых кошмы прикрепляются к верхней части стены. Среднюю часть кибитки обычно покрывали двумя специально изготовленными четырехугольными белыми кошмами (үзүк). В двух верхних углах и по боковым сторонам каждой такой кошмы имеются длинные веревки, концы которых, идя вниз и крестом проходя сверху противоположной кошмы (үзүк), закрепляются у верхней части крыла юрты. Нижняя часть этих кошм имеет многочисленные шнурки, концы которых, спускаясь с верха дурлука вниз, закрепляются в нижней части крыла юрты, плотно прижимая дурлук к решетчатой стене.

Верхняя часть юрты закрепляется круглой белой кошмой (серпик), имеющей в 4-х местах у краев длинные веревки, три из которых (2 боковые и задняя), спускаясь вниз, закрепляются в нижней части крыла юрты. Веревка, находящаяся в передней части серпика, называется «серпик баг» и свисает у двери. Эта веревка, когда открывается дымоход, поднимается, а когда он закрывается, то служит рычагом и опускает-

¹ «Айлав» — дословно круг (по-текински, «эк»).

ся вниз. Дымоход открывается при помощи длинной жерди (сырык).

Нижняя часть юрты поверх кошмы окутывается тремя камышовыми циновками (өй гамыш), сплетенными при помощи шерстяных шнурков.

Как на правой, так и на левой стороне юрты вбиваются по одному колышку (чөвши агач) с наклоном наружу. За один из них привязываются концы двух толстых веревок (чөвши йүп), концы которых, проходя сверху средней части юрты, привязываются к другому колышку, находящемуся на другой стороне юрты. Таким образом юрты защищают от разрушающего действия ветра.

В зимнее время у двери делали перегородку (гермеч), поперечно привязывая палку (гермеч агажы) к боковым косякам, немного выше порога, и на эту палку накидывали кошму, а снаружи (на всю дверь) навешивали маленький палас (килим), который предохранял от ветра.

Мебель и украшения (ей гошы, гош-голон) расставляли в юрте с тем расчетом, чтобы имущество владельца юрты удобнее разместилось в ней; в то же время это убранство способствовало поддержанию тепла в юрте, а также придавало ей нарядный вид.

Вся площадь юрты делилась на четыре части. Очаг, находящийся в центре, имеет форму буквы «П», обращенной своим отверстием к двери. Очаг окаймляет низенькая глиняная стенка. С двух сторон к очагу прилегали правая (саг дул) и левая (чеп дул) части юрты. На стене правой части женской половины (аял дул) располагалась полка (сават), под которой находился вешевой сундук.

Мужская половина (эркек дул) отличалась от женской лишь тем, что под полкой хранилось зерно в мешках, а левее полки прямо на земле находились часть сельхозинвентаря, а также глиняные кувшины для воды.

У стены заднего полукруга юрты симметрично навешивали одну или две пары широких ковровых мешков (халы чувал) с бельем. Сверху каждого такого мешка навешивали сравнительно меньшие по размерам мешки (халы торба) с длинными кистями. Между торба и полкой, обычно ближе к женской половине, подвешивали четырехугольное украшение (асмалык), сделанное из квадратных кусков различного цвета материи. Это украшение имело снизу длинные, кисточки (готоз, сачак).

Внутри юрты на дверь вешали ковровое украшение (гапы гул), имеющее форму буквы «П» (рис. 1), с длинной бахромой (сачак).

Мужскую, женскую половины и заднюю часть (төр) юрты устилали особыми тонкими циновками (бойра), сплетен-

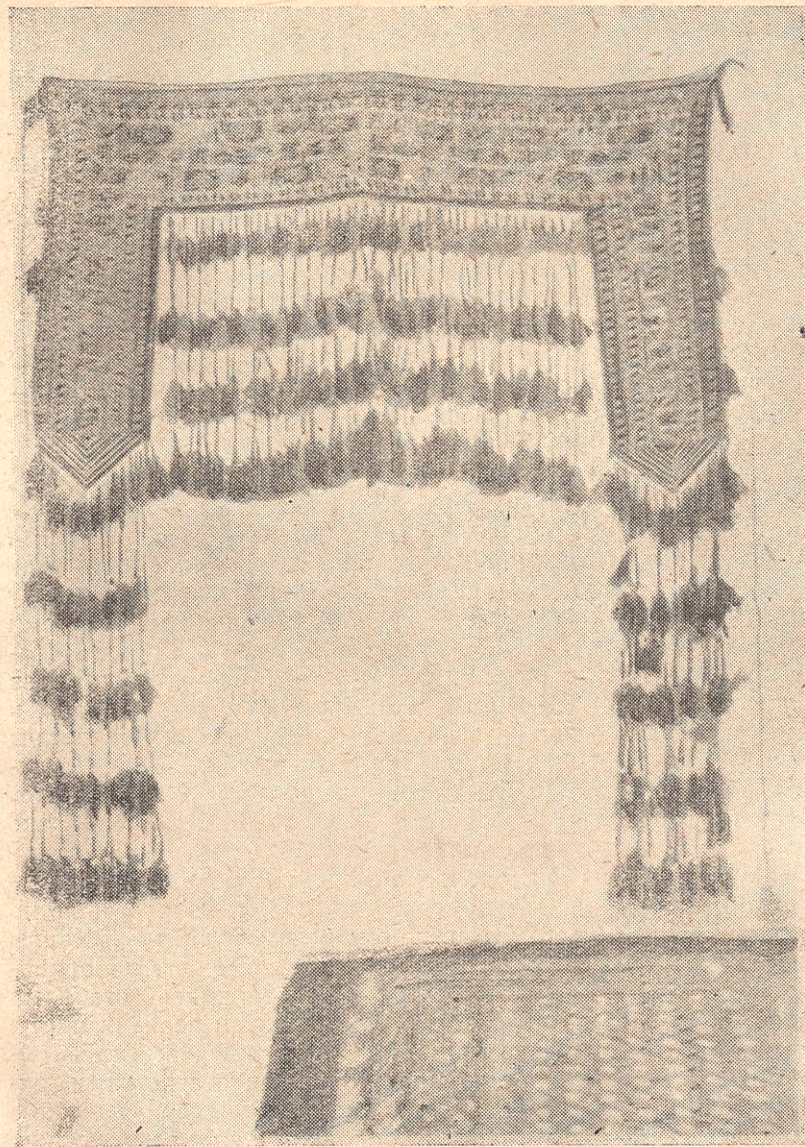

Рис. 1. Ковровая занавеска на дверь (гапыгул).

ными из камыша, на которые в зажиточных семьях стелили 3 паласа, 2 маленьких (килим) помещали на мужской и женской, а большой — на задней половине. Поверх паласов стелили в один ряд кошмы, а поверх кошм на женской и мужской половинах — по одному ковру (ожокбашы), а на задней половине — большой ковер (дуйпхалы).

Задняя часть юрты (төр) считалась почетным местом, куда сажали особо уважаемых гостей; в ночное время эта часть юрты служила для ночлега всей семьи, включая и гостей. Четвертая часть юрты (от очага до двери) ничем не застилается.

Описанная нами домашняя обстановка у дореволюционных сарыков изменялась в зависимости от состоятельности той или иной семьи, но принцип ее расстановки оставался у всех приблизительно одинаковым.

Кепбе¹ состояло из двух (нижней — эгин — и верхней — ёкары) частей, строили её из местного материала — камыша (род крупной осоки). Нижняя часть состояла из большой циновки (кепбе), сплетенной из кышша высотой почти 2 м, она примерно на одну четверть закапывалась в землю по заранее отмеренному ровному кругу (диаметром почти 4 м). Надземную часть данной циновки поддерживали столбики (сутун), закопанные внутри вышеупомянутого круга; циновку (крыло) привязывали к этим столбикам тонкими длинными прутьями типчака (гызыл гияк). Верхнюю часть крыла (ганат) с двух сторон обхватывали круглые снопы из прутьев осоки (чеммерек). Оба пояса (чеммерки) были привязаны к крылу стеблями типчака через каждый гары (размер длины руки от плеча до конца пальцев). Верхнюю часть кепбе составляли 16 снопов (чайты) осоки, из которых 6 одинаковых по своим размерам, пересекая друг друга на самой макушке кепбе и опираясь двумя концами на пояс (чеммерек), образовывали купол высотой в полтора с лишним метра. Остальные 10 снопов-чайты поперечно перекидывали с двух сторон по скатам купола (сверху вышеупомянутых 6 чайты). Концы этих верхних чайты тоже опирались на чеммерек, на одинаковом расстоянии друг от друга, и закреплялись стеблями типчака. Каждое из пересечений из нижних и верхних чайты перевязывалось также гибкими стеблями типчака. Таким образом получали купол с четырехугольными отверстиями, одно из которых у самой макушки служило дымоходом копбе (тутун чыкар). Сверху купола продольно клали ветки, осоки,

¹ Слово «кепбе» вообще означает циновку, имеющую прямоугольную форму, но у сарыков это слово означает также жилище, построенное из циновки и имеющее форму кибитки (ср. П. М. Лессар. Юго-Западная Туркмения. Сборник материалов по Азии, вып. 13, Спб., 1884, стр. 21).

а поверх них листья этого же растения (кышша гулпак), которые, плотно прилегая друг к другу, не пропускали дождь и другие атмосферные осадки. Через все листья в несколько рядов перекидывали длинные веревки, сплетенные из стеблей типчака. Концы этих веревок привязывали на чеммерек и тем самым охраняли листья от сноса ветром.

Нижнюю часть (циновку-стену) обмазывали снаружи тонким и ровным слоем глины (лай), смешанной с соломой (саман).

Порог (босага) юрты был обычно сделан из глины, верхним косяком (ёкаркы) служил чеммерек, а два боковых косяка (сое) состояли из двух выстроганных бревен, на которые на петлях была навешана двустворчатая дверь (габса).

Внутреннее убранство кепбе в принципе не отличалось от убранства кибитки, но было значительно беднее, ибо в те времена в кепбе жили, как правило, неимущие люди.

Глинобитный дом (там) имел плоскую крышу. Нижняя часть ее состояла из нескольких бревен, на которые поперечно настилали сучья. Поверх сучьев поперечно клали толстый слой неочищенной осоки (кышша) или циновку из осоки, оставляя нередко отверстие для дымохода. Циновку засыпали толстым слоем земли, а затем обмазывали крышу опять толстым слоем глины, смешанной с соломой. Таким же способом обмазывали и стены. Полом служил грунт, а иногда утрамбованная глина или же кирпич-сырец (сыпа). В некоторых домах устраивали в стене напротив двери камин (моры). Окна глинобитных домов были маленькие, но зато имели многочисленные ниши (секче).

Для иллюстрации описываем старый брошенный дом, принадлежавший некогда отцу колхозника колхоза «Коммунизм» Велмырат-Сатлык аги и считавшийся в свое время одной из лучших местных построек.

Дом без фундамента стоит на возвышенном месте фасадом к кибитке. Толщина глинобитных стен 60—65 см, высота 3 м, длина комнаты около 6 м. Имеются два окна длиной чуть больше 0,5 м, шириной немного меньше 0,5 м и дверь высотой 1,5 м и шириной чуть больше 0,5 м. Плоская крыша держится на 5-ти неровных и различной толщины балках из ивы (тал). На эти балки поперечно, притом беспорядочно положены сучья того же дерева, поверх сучьев — циновки из осоки, засыпанные землей и обмазанные смесью глины и соломой. Толщина крыши местами превышает 0,5 м.

В дореволюционных пендинских аулах юрта и кепбе служили жилищем, а глинобитные дома нередко отводились под кладовые. У богатых глинобитные дома служили для приема гостей и назывались «мыханхана». Внутреннее убранство

такого дома отличалось от юрты. Там не имел женской и мужской половин, пол делился на две части, заднюю часть (төр) застилали, так же как и заднюю половину юрты. Самые необходимые вещи (лампу, чайник и т. д.) ставили в ниши.

В старые времена юрты, так же как и кепбе, согласно предписаниям религии, ставились дверями на юго-восток.

До революции сарыки строили как глинобитные дома (там), так и землянки (куме) для коров (сыгыр там или сыгыр деле). Для лошадей строили навес (бассырма), задней стеной которого служили обычно дом или забор. Для верблюдов и баранов строили загородку из колючки, которая одновременно служила кормом для них в непогоду. Иногда для баранов строили круглую загородку (чалмар) из прутьев гребенщика (йылган), врыв их в землю вертикально. Все такие постройки обычно находились позади кибитки.

Печь для выпечки лепешек (тамдыр) делали возможно дальше от построек, для обеда и чая,—наоборот, ближе к кибитке. Все эти постройки старались загораживать глинобитным забором, охватывая постройки нескольких кровнородственных хозяйств (даже в таких случаях, когда в этих обведенных общим забором хозяйствах не существовало общего котла, что называлось «ырысгы айра»).

Богатые люди для своих верблюдов строили летние помещения (хэндек) далеко от жилых домов, обычно на возвышенном и прохладном месте.

В прошлом у туркмен-сарыков, наряду с частными домами, существовали и общественные здания. К ним относятся мечеть, мектеб и контора аульного старшины; однако и они являлись собственностью имущих слоев населения, то есть имели своих владельцев.

С 1949 г. колхозники колхоза «Коммунизм» поселились в двух новых социалистических поселках — «Коммунизм» и «1 Мая», находящихся друг от друга на расстоянии 4—5 км.

Принципы планировки обоих поселков очень близки и отличаются лишь по размерам приусадебных земельных участков колхозников. В одном поселке ширина каждого приусадебного земельного участка равна 30 м, длина—84 м, а в другом—ширина равна 37,2, а длина — 70 м, что объясняется условиями местности. Кроме того, общественные и хозяйственные постройки (контора, скотный двор, склады и т. п.), раньше спланированные в обоих поселках, теперь строятся в одном из них, в поселке «Коммунизм»¹.

¹ Хотя эти поселки существуют всего несколько лет, уже прочно вошли в быт новые названия: поселок «Коммунизм» (восточный) и поселок «1 Мая» (западный). Их бывшие названия «Беденг оба» и «Союналы оба» уже не употребляются.

Поселок «Коммунизм», так же как поселок «1 Мая», расположен по двум сторонам шоссеиной дороги, соединяющей колхоз с районным центром и железной дорогой, а также с хлопковой базой, находящейся в противоположном направлении от райцентра. Шоссеиная дорога идет параллельно реки Мургаб, и вся планировка поселка подчинена этой магистральной дороге.

Вдоль поселка «Коммунизм» расположены три идущие параллельно улицы (средняя из них — широкая магистральная улица), которые пересекаются меридианально 4-мя параллельными между собою улицами.

На севере поселка находятся обрывы реки Мургаб, а с юга—холмистая местность (северный берег арыка Ноухана). В центральной части поселка расположены общественные здания колхоза, вокруг которых на параллельных улицах расположены усадьбы колхозников.

На юг от поселка, на возвышенной местности между двумя арыками (арыком колхоза «Коммунизм» и арыком Ноухана), размещена производственная зона колхоза, где имеются все виды построек, связанных с колхозным производством,— различные склады, скотные дворы и т. д.¹

В центре поселка размещаются парк культуры и отдыха, все культурно-бытовые и другие здания. Новые общественные здания возводятся с учетом требований строительной техники и сангигиены, на фундаменте (что отличает их от прежних построек), с сравнительно большими окнами, деревянными полами и т. д. Таковы здания правления колхоза, библиотеки, столовой, школ, детского сада, яслей и другие.

В производственной зоне поселка «Коммунизм», а также вне ее имеются многочисленные общественные постройки, возведенные за последние годы—3 конюшни, 5 коровников, 2 телятника, 17 овчарен, 1 птичник, 5 зернохранилищ, 8 сушилок для технических культур, различные виды многочисленных складов, гаражи и т. д.²

Еще в довоенные годы колхоз приобрел в районном центре двор, в котором расположены гостиница, чайная, кладовая и гараж³. Во дворе имеется цементированный бассейн для воды и насажены деревья.

Кроме перечисленных выше общественных зданий, в колхозе имеются другие здания, сооружения, колодцы; около каждого колодца выстроены помещения для пастухов, а

¹ См. Архив колхоза «Коммунизм», годовой отчет за 1949—1951 гг.

² Там же, годовой отчет за 1951 г.

³ См. Марыйский облгосархив, ф. 216, оп. 3, д. 1 и Архив колхоза «Коммунизм», годовой отчет за 1951 г.

хлопкоуборочные пункты и помещения под склады имеются при каждой производственной бригаде.

На строительство всякого вида общественных сооружений и зданий расходуются в колхозе большие суммы. В 1951 г. затраты колхоза на покупку только лишь материалов для новых построек составили 78 242 руб., не говоря о других затратах, связанных со строительством, в том числе для оплаты наемной рабочей силы по строительству новых зданий и сооружений, составивших в 1951 году 64 861 руб.¹

Планировка нового аула удовлетворяет возросшим требованиям культурной жизни колхозников, новым экономическим запросам коллективного хозяйства. Улицы поселка имеют правильную планировку. Большинство из них озеленено. Жилые дома имеют палисадники, окнами повернуты на улицу, а фасадами — к огороду. Почти все дома с айванами. Дома, построенные на южной стороне улиц, фасадами повернуты на юг, а построенные на северной стороне улиц — на север.

Перед фасадами домов на расстоянии 5—10 м находятся сохранившиеся кибитки. Если земельный участок колхозника расположен на северной стороне улицы, то дом и кибитка фасадами выходят друг к другу, а если на южной — то стоят друг за другом (дом стоит фасадом на юго-запад, а в нескольких метрах от веранды дома стоит кибитка, дверью тоже на юго-запад). Кибитка (почти во всех случаях) служит теперь летней кухней и кладовой. Там, где кибитка служит летним жильем, кепбе выходит дверью только на юго-запад. Хозяйственные постройки находятся рядом с домом.

Приусадебная земля колхозников распределяется следующим образом: начиная от улицы, куда обращены окна дома, идут палисадник, затем дом, кибитка, «кепбе»; к востоку (иногда к западу) от этих помещений находятся скотный двор, хозяйственные постройки, а в западной стороне — сад. Вокруг кибитки и кепбе имеются свободная площадка, а за ней — древонасаждения в 2 ряда, а дальше — бахчи.

Как правило, в новом поселке все участки колхозников, на которых строят дома для жилья и подсобные помещения, огорожены забором высотой примерно в полтора метра. Имеется масса случаев, когда 2—3 хозяйства огорожены одним большим забором (чар баг), члены этих хозяйств живут в одном доме, пользуются общей верандой, а хозяйственные постройки находятся в одном месте двора.

Часть домов построена наемными мастерами (узбеки, татары и русские) и самими колхозниками (Джумагельди Сары, Розы Кашат и др.) под руководством прораба (тов. Хазо-

ва). Многие здания имеют фундамент и цоколь из бетона, а некоторые — из сырцового кирпича. Толщина цоколя 65 см, высота 60 см. Для фундамента сначала выкапывают яму глубиной примерно в полметра, туда складывают гравий, заливают цементным, глиняным или известковым раствором; или же — сырцовый кирпич в 2,5 ряда, а промежутки заливают глиняным раствором. Затем выкладывают на них стены толщиной обычно в 2 кирпича (кирпичи стандартные примерно 25×12×6 см).

Способ постройки дома обычный. Верхний слой фундамента замазывается раствором глины (2—3 см), прежде всего на фундамент ставится ранее изготовленная дверная рама, которую закрепляют 4 доски, верхними концами прикрепленные гвоздями к двум верхним углам рамы и нижними концами прочно упирающиеся в землю. После этого, начиная с двух сторон дверной рамы, на фундамент поперечно складываются кирпичи (по 2). Толщина фундамента со штукатуркой равна 65 см, толщина стены — 55 см. После того, как залиют этот ряд глиняным раствором, начинают укладывать на них по 4 ряда (идущих продольно к фундаменту) кирпичей. Дальнейшие ряды чередуются, так же как первый и второй ряды. Рамы и подоконники вставляются таким же способом, как и дверная рама. Когда высота стены доходит до уровня верхней части рам, то снимаются доски, поддерживающие дверную или же оконные рамы, и параллельно к верхней части дверной или оконной рамы вставляют широкую доску (55 см), после чего продолжают складывать кирпичи прежним способом. Когда стена поднимается до уровня намечаемой высоты, то вставляют балки и продолжают поднимать стены до намеченного верхнего уровня крыши. После этого вставляются в двух-трех местах железные водостоки (тарнав), а затем продолжают поднимать стену на 3 кирпича, из которых два верхних ряда являются карнизом (эрнек).

Крыши всех зданий покрыты местным способом, то есть на стены поперечно прокладывались (через каждый метр) балки (пурси) из сосны, на них поперечно клали жерди (обрешетки) из местных деревьев (ива — тал), а затем продольно по направлению балок — особого рода камыши толщиной 15 см. После этого делалась очень легкая (2—3 см) глиняная смазка, затем — водонепроницаемая часть (земляная насыпь толщиной в 3 см, которая смазывается сначала просто глиной, а затем — глиной, смешанной с соломой).

Для примера опишем усадьбу колхозника К. Сарыяза и его сыновей (рис. 2), состоящую из трех приусадебных участков, огороженных одним забором, и имеющую форму прямоуголь-

¹ Архив колхоза «Коммунизм», годовой отчет за 1951 г.

ника (111×70 м). При усадьбе имеются фруктовый сад и виноградник. На участке расположены постройки: дом хозяина из трех комнат с верандой; отдельная постройка с верандой для гостей, и второй дом из 6 комнат с верандой для старшего сына хозяина.

Веранды (эйваны) расположены по фасаду построек; во всех айванах ниже карниза (параллельно ему) прибита к балкам широкая украшенная резьбой доска.

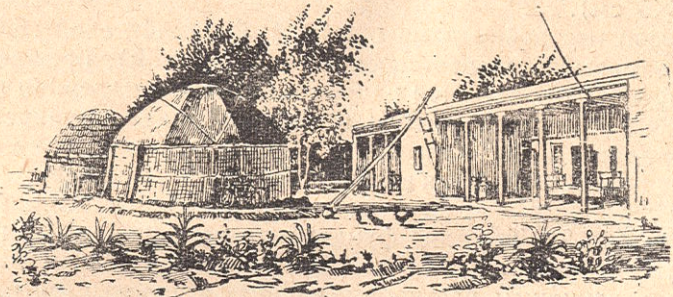

Рис. 2. Общий вид дома колхозника Курбан Сары.

Общая площадь помещения для гостей, включая и веранду, равна 8,73×8,3 м. Веранда имеет 3 стены, а открытая часть загорожена деревянной решеткой высотой 1 м; площадь веранды равна 2,55×7,69 м. Комната имеет три окна, два из которых на южной стороне выходят на улицу, а одно — на веранду. Все окна открываются во внутрь, с внутренней стороны имеют ставни, изготовленные из досок. Дверь открывается на веранду. Пол веранды земляной и находится на уровне верхней части фундамента, на 15 см выше окружающего грунта. Пол гостиной комнаты деревянный. Одно из двух окон, находящееся в южной стене напротив двери, расположено ближе к северо-восточному углу комнаты, а другое — рядом с дверью открывается на веранду. Большая задняя (төр) часть комнаты покрыта кошмами, коврами. Имеется мебель также местного и городского типа.

У северной стены находится деревянная подставка (сават) длиной 2 м, шириной 60 см, на которую складываются одеяла и подушки, предназначенные для гостей. Под полкой на подставках помещаются радиоприемник, патефон, пластинки, шахматы, шашки, книги и карты. Окна завешаны тюлем, а на двери повешены шторы из покупного крашеного материала. Железная печь расположена ближе к восточной стене. Веранда устлана кошмами.

Большой шестикомнатный дом вместе с верандой имеет общую площадь 7,5×26 м. В западной части дома имеются две комнаты, где живет семья старшего сына Сарыяз-аги. Одна комната с двумя окнами является спальней. Дверь из нее открывается в переднюю комнату. Пол настлан сырцовым кирпичом и смазан глиной. Около двери находится железная печь. На южной стене имеется вешалка, на западной — подставка для одеял, а под полкой находятся чемоданы, сундуки с одеждой и украшениями хозяек. Весь пол устлан кошмами, коврами. У выхода из передней комнаты имеется яма (25×35 см), заделанная сверху плиткой, снятой с чугунной печи¹, с продольными прорезами, где стоит ведро с водой (кундук). Железная печь находится у западной стены. Для двух печей имеется один общий дымоход. В комнате стоят шкаф с посудой, подставка для одеял, детская кровать. Пол земляной и сплошь устлан кошмами, коврами. На веранде стоят кровати, которые в зимнее время вносятся в комнаты.

В самой середине дома имеется сравнительно небольшая комната (2,55×4,1), предназначенная для склада, с дверью на веранду. Здесь имеется аммар (закрома для зерна), сделанный из сырцового кирпича. В доме имеются еще две комнаты, предназначенные для будущей семьи внука старика, собирающегося жениться, а также комната, в которой живет один из родственников по материнской линии.

Дом, принадлежащий самому Сары Курбану и его двум младшим сыновьям, состоит из трех комнат. Одна из них (самая восточная) принадлежит старику, в ней около двери стоит тешнав. Веранда охватывает только северную стену комнаты старика. Две другие комнаты предназначены для младших сыновей. Окна и двери сравнительно небольших размеров, сделаны с учетом климатических условий местности.

Описанный дом является типичным для преобладающего большинства жилищ (рис. 3). Но еще изредка встречаются однокомнатные дома с айваном и без него. Как видно из наших материалов, в характере жилища у туркмен-сарыков произошли за годы Советской власти весьма значительные изменения.

¹ Местного названия не имеется, некоторые старики называют их по-персидски «тешнав». «Тешнав» получил большое распространение до революции, в бухарском эмиратстве, Хивинском ханстве, особенно в тех помещениях, где жили служители культа. Поэтому, учитывая отсутствие в старое время «тешнава» у сарыков и текинцев, мы предполагаем, что оно было заимствовано сарыками от чаршангинцев, издавна живущих среди них.

Туркмены-сарыки до присоединения к России основные виды своей одежды изготовляли главным образом из дотканной бумажной материи (мата) или же из привозной бумажной материи также кустарного производства¹. Начиная с 90-х годов прошлого столетия, появляются и фабричные

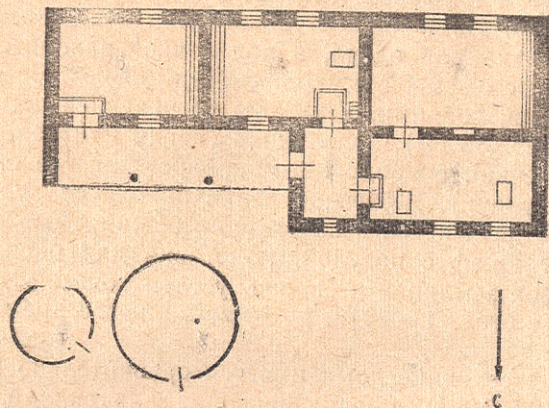

Рис. 3. План дома колхозника Курбан Сары.

ткани, которые получили широкое распространение лишь в годы Советской власти, ибо раньше для большей части населения приобретение фабричной ткани или готового платья было не под силу.

Одежда туркмен-сарыков в прежние времена, несмотря на значительное сходство с одеждой других туркменских племен, имела тем не менее некоторые особенности в отдельных деталях и также в способе ношения.

В старое время мужчины-сарыки носили широкую рубашку (көйнек) туникообразного покроя из белой хлопчатобумажной ткани с разрезом ворота на правом плече². Ворот окаймляли скрученными белыми нитками, а воротник завязывали при помощи двух шнурков (багжык). Рукава обычно подшивали, в то время как подол рубашки оставался неподшитым. На одной стороне рубахи был вертикальный прорезной карман. Он обычно делался из материала такого же цвета. Разрез кармана был настолько близок к подолу ру-

¹ П. М. Лессар. Юго-Западная Туркмения. Сборник материалов по Азии, вып. 13, Спб., 1884, стр. 29, 30.

² Там же, стр. 21, 22.

бахи, что нижняя часть его свисала из-под нее в виде квадратного мешочка. По боковым швам рубахи (на середине их) имелось 2 разреза (ярытмач) длиной 10—15 см, которые начинались от подола рубахи и шли вверх. Под грудь и спину рубашки подшивали куски белой материи (ягрын ишлик), предохраняющие ее от быстрого износа. Под мышки вставляли ластовицы (бегейик), обычно из той же материи. Старики, и особенно духовные лица, носили рубашки, доходящие до колен, а молодые — короче.

Мужские штаны (балак) шили из белой хлопчатобумажной материи или из серой, черной самотканной шерстяной материи (джалбар). С появлением фабричной ткани молодые люди стали носить шаровары (джалбар) из черной, зеленой и др. хлопчатобумажной или шелковой ткани. Обычно предпочитался бархат черного, зеленого, голубого, синего цветов. Шаровары состояли из двух полотнищ (около 2-х м шириной в верхней части), суживающихся книзу. Низ штанины делали очень узким (не шире 25—30 см). Между штанинами вставляли ромбовидный кусок материи (балак ак)¹. У шиколотки штанины вышивались (ширина вышивки равна 10—15 см). У пояса штаны отгибали наружу на ширину 3—4 см и подшивали. В этот рубец (чермек) пропускали сплетенную из белой шерсти тесьму (учгур) шириной около 2 см, которая служила поясом. Оба конца пояса у молодых людей оканчивались кистями различного цвета. Концы пояса, завязываемые спереди, спускались из-под рубашки на 10—15 см и доходили до колен. Первоначально шаровары надевали поверх белых (длинных) штанов, которые виднелись снизу из-под цветных шаровар на 7—8 см. Эту виднеющуюся из-под шаровар часть нижних штанов вышивали. Впоследствии под шаровары перестали надевать штаны, а эмитировали их подшивая к низу шаровар расшитую ткань. Таким образом, создавалось впечатление, будто под шароварами надето нарядное белье. Старики и духовные лица избегали вышивок у шиколоток, бахромы у пояса и вовсе не носили шаровар. Как рубашку, так и штаны или шаровары надевали прямо на тело, они служили и рабочей, и домашней одеждой (рис. 4).

В настоящее время колхозные крестьяне носят такого же вида шаровары, но несколько изменили некоторые их элементы: балак ак стали делать меньших размеров, концы учгур не оканчиваются кистями и не спускаются вниз, а остаются

¹ Балак ак делался из той же материи, из какой шились сами штаны, но величина его обычно составляла одну четверть всей материи, расходуемой на штаны.

Рис. 4. Старик в национальном костюме.

под рубашкой. Наиболее нарядные штаны делаются из бархата вышеупомянутых цветов (рис. 7).

Почти все без исключения мужчины поверх рубашки носят покупные пиджаки или кители, а в зимнее время пальто, которые никогда раньше не бывали у сарыков. Пиджак, который одевался на рубаху, и шаровары местного покроя создают своеобразный костюм (костюм джалбар).

Кроме пальто и пиджака, они носят красный шелковый халат (гырмызы дон) туникообразного покроя из материала, называющегося «кетени», с желтыми или белыми частыми полосами и с тесьмой и вышивкой вокруг ворота, вертикальных прорезей карманов, имеющих как на правой, так и на левой стороне, и краев (ярытмач). Гырмызы дон имеет подкладку, обычно из зеленой хлопчатобумажной, иногда шелковой ткани. Подкладка такого халата никогда не делалась из белого материала, тогда как подкладка ватного халата (см. ниже) была только белого цвета. Гырмызы дон простегивали так же, как и ватный халат, через каждый сантиметр. Шелковый халат в старое время сами не шили, а покупали в Мараы или Ашхабаде.

В старину мужчины поверх рубашки и штанов носили широкий ватный халат (дон), также туникообразного покроя, красного или синего цвета, с узкими, но частыми желтыми или белыми полосами, из хлопчатобумажной, иногда шелковой ткани. Подкладку халата делали из белой хлопчатобумажной ткани; халат простегивали продольными узкими (1 см) полосами. Рукава делались длинными, а вертикальный прорезной карман находился на правой стороне. Польша, ворот и ярытмач, а также обшлага окаймлялись, так же как и у гырмызы дон, тесьмой (джехек), сплетенной из красных хлопчатобумажных, иногда шелковых ниток¹. Ватный халат раньше обычно покупали в Хиве или Бухаре. В настоящее время ватный халат встречается очень редко и только у стариков.

Прежде мужчины-сарыки носили также халат, называемый «ёктай», сделанный из такой же материи, что и ватный. Ёктай, отличается от ватного халата лишь отсутствием подкладки (отсюда его название «ектай» — однослойный).

Кроме вышеупомянутых халатов, у них, так же как и у других туркмен, бывал шерстяной халат (чэкмен), сделанный из светло-коричневой верблюжьей² или из серой, темно-серой бараньей шерсти. Покрой его был аналогичен вышеописанным халатам. Чэкмен обычно не имел подкладки.

¹ Джекхек для шелкового халата делали из шелковых ниток.

² См. П. М. Лессар. Юго-Западная Туркмения, раздел «Торговля», стр. 29, 30.

Рис. 5. Колхозник в старинной чалме („салле“).

В зимнее время богатые сарыки носили шубу (поссун), чаще из хорошо выделанных простых бараньих шкур, иногда из каракулевых, но в обоих случаях шуба шилась шерстью вовнутрь. Покрой её не отличался от покроя халата, однако она делалась очень широкой, а рукава были на 15—20 см длинее рукавов обычного халата, и носили её, обычно не одевая в рукава, а просто накидывая на плечи. В этих случаях концы длинных рукавов находились на спине, спускаясь до нижнего края. Полы, обшлага, ворот и боковые разрезы (ярытмач) обшивались узкой (2—3 см) черной, иногда коричневой каракулевой шкуркой, которая служила отделкой. Верх шубы окрашивали в желтый цвет краской, изготовленной из корки граната. Если шуба была сделана из каракулевых шкурок (багана поссун), то её наружную сторону не окрашивали, а нашивали сверху хлопчатобумажную материю темно-серого цвета.

Для мужчины считалось обязательным носить поверх рубахи во все времена года один, два или три халата (снимали их только тогда, когда ложились спать). Этот обычай в настоящее время не соблюдается.

У имущих гырмызы дон (шуба из каракулевых шкурок и и шаровары, сшитые из шелка или бархата) считались выходными, а остальные виды одежды — будничными.

Одеждой пастухов служил халат из белой или темно-серой кошмы (ойлук). Покрой такого халата не отличался от покроя обычного. В нем только отсутствовали воротник и карманы (ярытмач). Крайя пол и обшлагов, а также ворот не подшивались. Вторая разновидность такого халата еще более отличалась от обычного отсутствием рукавов и имела вид накидки. Ойлук в настоящее время служит пастухам спец-одеждой.

На голову поверх расшитой тибетейки мужчины надевали шапку (телпек), сшитую из шкурки полугодовалого, иногда и годовалого, но ещё не стриженного барана обычно каракулевой породы. Шапку шили мешкообразной формы, мехом наружу высотой 25—30 см. Подкладку (ишлик)¹ шапки делали из кошмы. Внутрь этой подкладки подшивали вторую — полосу из хлопчатобумажной ткани любого цвета, так называемую «огрын ишлик» (спрятанная подкладка), или «петгеч», имеющую точные размеры войлочного ишлика. Верхняя внутренняя кромка такой подкладки стягивалась ниткой до предела. Макушка головы упиралась в эти сборки, не давая

¹ «Ишлик» — это искаженное «ичлик», означающее «внутренность», то есть подкладка.

возможности тяжелой шапке опускаться на лоб дальше, чем положено¹.

Иногда вместо шапки поверх тюбетейки носили чалму (селле), сделанную из 6-метровой хлопчатобумажной материи санего (для молодых) и белого (для стариков и духовенства) цветов (рис. 5, 6 и 7).

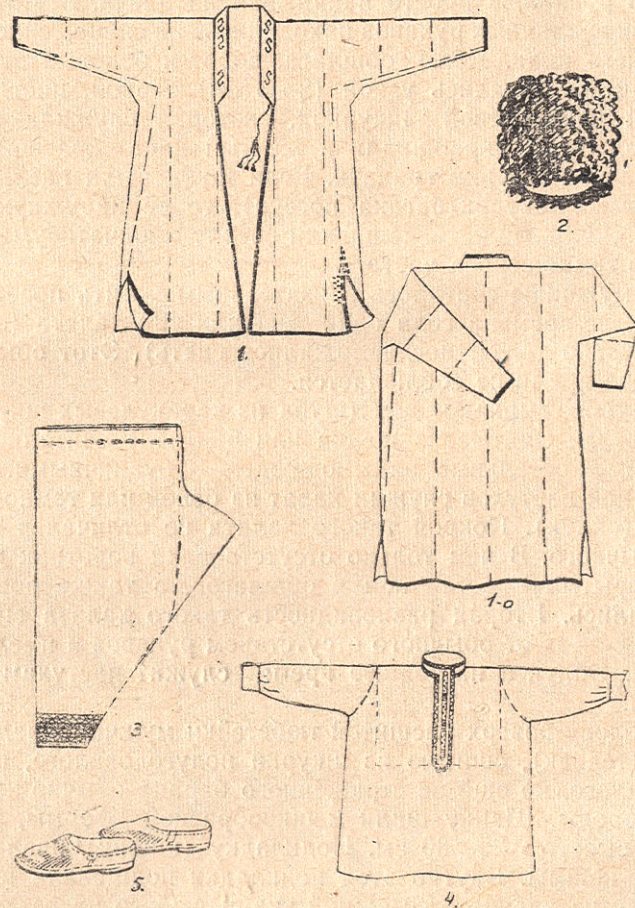

Рис. 6. Мужская одежда туркмен-сарыков. 1—дон (вид спереди); 1а—дон (вид сзади); 2—телпек; 3—балак; 4—койнек; 5—локко.

¹ Ср. П. М. Лессар. Юго-Западная Туркмения, раздел «Одежда», стр. 21, 22.

Тюбетейку снимали только по необходимости. В зимнее время (на ночь) поверх тюбетейки повязывали платок или надевали старую шапку, вывернув ее наизнанку; это называлось «чэвурме телпек» (вывернутая наизнанку шапка).

В настоящее время совершенно изменилась форма головного убора. Большую шапку и чалму теперь можно видеть очень редко, лишь как пережиток старого. «Чэвурме телпек» теперь используется (тоже очень редко) в качестве пугала (гараньтга). Что касается тюбетейки, то она не только не исчезает, а наоборот, широко бытует у тахтабазарцев. Местные вышивки пополняются текинскими; особенно большой популярностью пользуется «секиз кешде» (дословно — 8 вышивок), имеющая форму квадрата, разделенного на 8 равных частей (каждая из этих 8-ми вышивок имеет форму треугольника), отличающихся одна от другой различными цветами шелковых ниток.

Поверх тюбетейки мужчины теперь надевают ушанку (гулокджун) из серого, коричневого или черного каракуля. Ушанки шьются местными мастерами теми же приемами, как и обычные ушанки, лишь с некоторыми отличиями: во-первых, под подкладку вставляют петгеч, так же как у большой шапки, который легко снимается для стирки и опять подшивается так же, как под воротник гимнастерки (текинцы не делали петгеч); во-вторых, концы наушников обычной шапки такого типа имеют полукруглую форму, а колхозники-тахтабазарцы предпочитают, чтобы концы наушников были прямоугольными. Наиболее красивыми считаются ушанки золотисто-коричневого цвета (сугры), затем — серого (чал), коричневого (сары) и, наконец, черного (гара) цветов.

Мужчины в летнее время чаще носят покупные полуботинки, сандалии, а также брезентовые сапоги, иногда азиатские резиновые галоши. В зимнее время носят сапоги, ботинки, а иногда и покупные «чокой» (об этом см. ниже), продаваемые в магазинах сельпо.

В старое время сарыки носили самодельную обувь, так называемые «чокой», «локко», «чарык», «чепек» и т. д.

Чокой и локко шили из привозной выделанной кожи, а чарык — обычно из невыделанной кожи крупного рогатого скота, а иногда из кожи лошади или же верблюда. Крой чокоя делался в основном из 3-х по качеству одинаковых кусков, один из которых составлял и подошву, и боковые части и часть верха, второй — верх (башлык) и третий — задник (песене). Локко шили из двух кусков, один из которых (из толстой кожи) составлял подошву, а другой — большой кусок — и бока, и верх, и задник. Чарык шился из одного це-

лого куска и имел один шов (только в середине верха), проходящий от отверстия до носка. По краю выкроенного куска делали многочисленные вертикальные отверстия (расстояние между которыми было не больше 1 см), через которые продевали тесьму (гайыш), сделанную из той же кожи. Этой тесьмой стягивали края чарыка, оставляя отверстие для ноги (агыз).

Чарыки были и привозные, сделанные из сравнительно тонкой и хорошо выделанной кожи.

Кроме этих видов обуви, мужчины носили привозные хивинского покроя сапоги и привозные ичиги (меси). Последние они надевали с азиатскими галошами или же с локка, в дальнейшем местное население и само стало шить ичиги. В холодное время года пользовались шерстяными носками как самодельными без орнамента, так и привозными, преимущественно иранскими с богатым орнаментом. Кроме того, носили самотканые шерстяные обмотки (доллак) белого, иногда серого цветов.

Кроме того, бедняки летом носили чепек, состоящий только из кожаной подошвы с тремя отверстиями, проколотыми при помощи шила. Одно из этих отверстий, находя-

щееся между двумя первыми пальцами, называлось «бурун» (нос), а два других — боковые, находившиеся в средней части — «гулак» (ухо). К отверстиям (гулак) прикреплялось по одному колечку, изготовленному из шерстяного шнура (гулак). Один конец длинного шерстяного шнура прикреплялся к отверстию (бурун), а другой, проходя через оба «уха», привязывался на подъеме ноги к шнуру, идущему от «носа». Чепек предохранял ногу в основном от горячего песка, а также от колючек.

Комплекс женской одежды состоял в основном из платья

Рис. 7 Туркмен-сарык в национальном костюме.

(койнек) и штанов (балак). И ту, и другую часть одежды надевали прямо на тело и носили постоянно, не снимая даже ночью. Платье шили сами из гладкой хлопчатобумажной и шелковой ткани чаще всего синего цвета¹. В отличие от платья текинок сарычки шили платье почти в полтора раза шире и настолько длинными, что их подол волочился по земле, мешая свободному движению. Поэтому во время работы или ходьбы женщины подтягивали переднюю часть платья, подоткнув её за пояс штанов, а обшлага длинных рукавов подвертывали. Покрой платья отличался от старинной мужской рубашки прежде всего длиной, а затем наличием низенького стоячего воротника и разрезом ворота спереди, а также отсутствием ярыгмача. Подол платья подшивался. Воротник и обшлага окаймлялись лентой (гараясы) или полоской материи другого цвета. На платьях молодых женщин вокруг ворота делалась вышивка шириною 3, 4, 7 и 8 см, а вокруг этой вышивки нашивались различные серебряные украшения примерно такой же ширины. Обшлага расшивали на ширину 10—15 см. Платья, сшитые из хлопчатобумажной ткани, с наименьшим количеством вышивки и без серебряных украшений считались будничными, а из шелковых тканей, особенно из красного или зеленого шелка, особого сорта («гырмызы кетени» или «яшыл кетени»), покупаемого в основном у ахальских текинцев, с большим количеством вышивок и серебряных украшений — выходными.

Штаны по крою не отличались от мужских. Они были хлопчатобумажными синего цвета без вышивок внизу штанины, что отличало их от женских штанов текинок. Низ штанины сарычки окаймлялся тесьмой, сплетенной из черной шерстяной нитки шириною 1,5—2 см (балак йупи), а пояс (учгур) отличался от мужского только отсутствием кистей; к тому же женщина завязывала пояс не спереди, а сбоку. В холодное время года женщина надевала поверх платья ватный халат (дон), отличающийся от мужского только отсутствием воротника, а также цветом подкладки (цвет подкладки женского халата преимущественно зеленый, а иногда красный, черный, темно-синий и т. д.). Кроме такого халата (дон), женщина поверх платья носила халаты, называемые «кулече» и «чабыт», покроем которых мало отличался от покроя халата. Кулече шили из бархата преимущественно зеленого цвета, с короткими рукавами и без ваты. Чабыт изготовлялся из шелковой ткани кустарного производства, с красными сравнительно широкими (1 см) полосами на желтом фоне (чеппетев). Чабыт делали с длинными рукавами и без ваты.

¹ См. П. М. Лессар. Юго-Западная Туркмения, стр. 22.

Как кулече, так и чабыт отличались от халата (дон) многочисленными серебряными нашивками. Эти виды халатов считались выходными и свадебными.

Тыквообразный головной убор (топбы) женщин-сарычек отличен от головного убора (бөрик) женщин-текинок. Он состоит из твердой основы, сплетенной из соломы с подшитым снизу куском войлока, который облегал голову женщины. Таким образом, образовалась войлочная тюбетейка высотой 4 см, которую женщина надевала на голову. Окружность топбы в 3-х местах имела 3 различных размера, соотношение которых примерно 1:1,5:2 соответственно: средняя часть — место соединения твердой части с войлоком (1), нижняя часть — окружность войлочной шапочки (1,5), верхняя часть (депе) (2). Топбы плотно обшивался чехлом из марли. После этого на верхнюю часть топбы нашивали многочисленные круглые и выпуклые тонкие серебряные изделия (чапраз). От нижнего края войлочной шапочки женщины начинали повязывать топбы многочисленными (до десяти) разнообразными платками (эсги). В середину нижнего платка вкладывали толстые слои тряпок и бумаги. Первый платок начинался от самого нижнего края топбы, второй — на 2 см выше, а с 3-го по 10-й — последовательно один выше другого. Таким образом, верхний край верхнего платка, окаймленного бахромой (сачаклы эсги), кончался у серебряных нашивок, находящихся на депе, и закрывал своей опущенной вниз бахромой (сачак) среднюю часть топбы¹. С появлением новых видов серебряных украшений (керпичли манглайлык) утратили свое значение серебряные украшения на верхней части топбы (чапразы), а также и пышная бахрома, закрывавшая среднюю часть топбы². Вместо них поверх налобных повязок навешивали позолоченные серебряные украшения (рис. 8).

Поверх топбы набрасывали халат-накидку (пуренджек), которая свешивалась на спину женщины, закрывая своим воротом верхнюю часть топбы и спину. Оба рукава халата-накидки, идущие по спине параллельно друг другу, свисали, покрывая поясницу, тогда как у текинок один из рукавов халата-накидки (пуренджек) свисал ниже поясницы. Эта разница в расположении рукавов халатов-накидок у сарычек и текинок объясняется различной манерой ношения: текин-

¹ Ср. П. М. Лессар. Юго-Западная Туркмения, стр. 22.

² В Пендинском оазисе изготовление серебряных изделий (шайчылык) не получило большого развития — почти все виды их, изготовленные мастерами-текинцами, привозили в основном из Мерва.

Рис. 8. Колхозница в старинном головном уборе „топбы“.

ки в отличие от сарычек носили халаты-накидки, надевая их на головной убор (бөрик) одним из рукавов.

Халат-накидка имел несколько разновидностей (махмал, чырпы, елкен). Все они делались без подкладок и отличались друг от друга лишь сортом ткани, пышностью вышивок, да еще тем, что у чырпы рукава были ложными и еще более длинными, чем у махмал и елкен. Кроме того, у всех видов халатов-накидок середины двух рукавов объединяются при помощи широкой (во многих случаях расшитой) ленты (бадак) длиной 20—25 см. Махмал (плюш) и чырпы считались выходными и свадебными, а елкен—будничным. Все эти виды пуренджеков иногда заменяли различные платки, которые тоже накидывались серединами одной из своих сторон поверх топбы и закреплялись булавками, которых не допускали в этих случаях текинские обычаи.

Сарычки обычно носили обувь двух видов. Один из видов представлял обыкновенные мужские локко тоже без всякой окраски, а другой—«гара көвүш» — специальные женские туфли, несколько напоминающие домашние, с очень низким задником и высоким каблуком, состоящим из ряда слов кожаной подошвы; верх их сделан из мягкой черной кожи, а подошвы— из твердой.

Вся женская одежда, за исключением обуви (гара көвүш) и некоторых видов платков, обычно изготовлялась самой хозяйкой. Топбы также делались в ауле, но особыми общепризнанными мастерицами.

Женщины-сарычки строго соблюдали возрастные особенности костюма. Невеста (гелин) носила платье, пуренджек, башбогы красного, зеленого, синего или голубого цвета, а на ноги надевала туфли (гара көвүш). С течением времени (после первого ребенка) она носила платье синего цвета, а пуренджек и башбогы—сперва белого, а затем желтого цвета¹. Почти все старухи не носили пуренджека, а платья их были сшиты из хлопчатобумажной ткани черного цвета², без вышивки, на ноги же могли надевать только локко или же азиатские галоши (рис. 9).

Одежда девушки отличалась от женской лишь разрезом ворота у платья и головным убором. Разрез ворота девичьего платья (гыз яка) проходит по плечу, как у старинной мужской рубашки. Если у девушек-текинок разрез воротника, как у женщин, находится спереди (чэк яка) и расширяется, то вокруг разреза ворота девушки-сарычки нашивали

¹ Текинки никогда не носили халата-накидки желтого цвета, а до глубокой старости — белого цвета.

² Текинки никогда не носили платьев черного цвета.

только серебряные украшения, преимущественно чапраз. Девушки надевали на голову расшитую тюбетейку (тахя), отличающуюся от мужской тюбетейки сравнительно большим размером, рассчитанным для людей с густыми и пышными во-

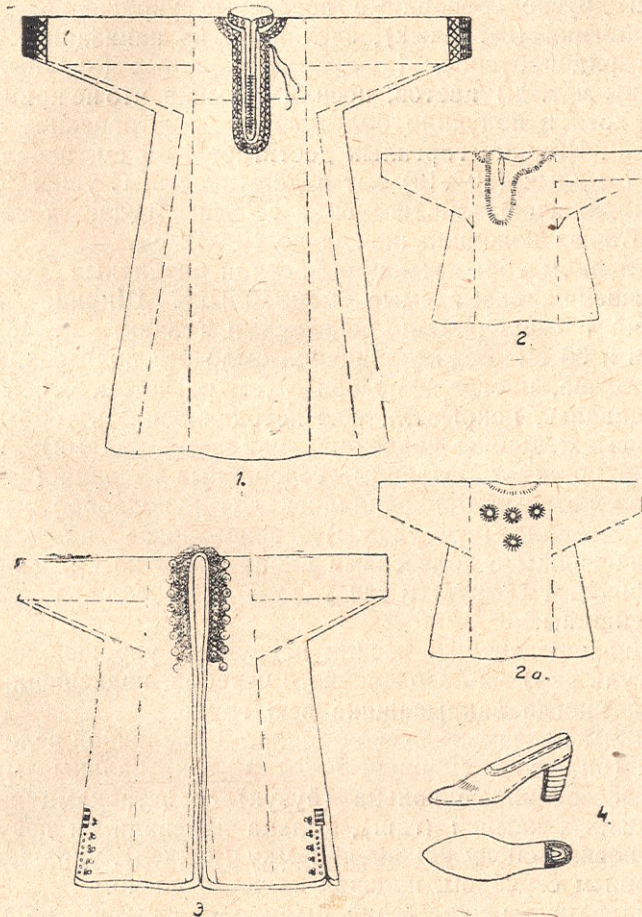

Рис. 9. Одежда женщины ребенка (таблица): 1—платье (көйнеги); 2—детское платье (чага көйнеги)—вид спереди; 2а—чага көйнеги (вид сзади); 3—халат (аял чабыды); 4—женская обувь (гара көвүш).

лосами. На макушку такой тюбетейки пришивали куполообразное серебряное украшение (гупба) высотой 10—12 см; вокруг и ниже гупбы на тюбетейку (депе) сплошь нашивался чапраз (как у топбы). Нижняя тоже вышитая часть тюбетей-

ки повязывалась многочисленными платками, концы которых завязывались спереди. Девушки стремились носить платье такого же качества и цвета, как и молодые женщины. Сарычки как женщины, так и девушки носили шейные, нагрудные, ушные и другие серебряные подвесные украшения. Шейные украшения (гаргалык), сделанные из нанизанных в несколько рядов бусинок (хунджи) различных (красных, синих, белых и т. д.) цветов, носили сарычки, что не принято у текинок, хотя и получило большое распространение среди эрсаринок¹. Ширина гаргалык достигает 4—5 см, носили его начиная с малых (10—12) лет и до старости. С ушей сарычек свешивались различного вида серьги (гулаг тенечир), длина которых доходила иногда до 10—12 см.

На головном уборе женщины носили различные серебряные украшения, называемые «маңлайлык». Ширина таких украшений с серебряными подвесками (сачак) колеблется между 10 и 30 см. Если украшение было без подвесок, то их носили по два, иногда и по три с тем расчетом, чтобы они, перекрещиваясь, покрывали всю переднюю часть топбы.

На косы женщины подвешивали (двумя рядами) нанизанные на шнурках различные серебряные изделия (сач багы), внизу которых прикреплялись два куполообразных серебряных изделия (сач увджы), снабженные подвесками. Длина сач увджы с подвесками равна около 20 см, а общая длина сач багы (вместе с сач увджы) достигала половины роста женщины.

Женщины и девушки носили нагрудные украшения (гурсакча и гуль яка) из позолоченного серебра, подвешенные на шнурок и иногда закрывавшие всю грудь.

Женщины надевали на свои запястья различной величины браслеты (билезик) шириною 8—10 см, а на пальцы—многочисленные серебряные кольца (йузук) со вставками из полудрагоценных камней (гаш), кольца надевали и девушки. Старухи носили сбоку кожаную сумку (хейкел), украшенную позолоченным серебром, надевая ее через плечо.

Почти все виды украшений были привозными, на месте же изготовляли только некоторые простейшие украшения из монет, приделывая к ним ушки из бусинок.

Благодаря новым условиям быта, даже наиболее устойчивый среди других элементов материальной культуры комплекс женской одежды подвергся серьезным изменениям, сохраняя свою национальную форму. Некоторые виды одеж-

¹ По всем имеющимся в нашем распоряжении данным, можно предполагать, что гаргалык заимствован сарыками у чаршангинцев, издавна живущих среди них.

ды совсем перестали бытовать. Эти изменения прежде всего идут по линии замены домотканного материала фабричным, хотя и женщины и девушки носят платья и штаны прежних цветов, соблюдая при этом возрастные особенности. Из домотканых материй платьев и штанов теперь почти не шьют. Покрой платьев хотя и остается прежним, туникообразным, но ширина и длина их подвергается большому изменению—теперь женщины шьют себе или же покупают готовые платья сравнительно короче и в полтора раза уже, чем раньше.

Балак ак у штанов делают теперь сравнительно маленьким. Но различные вышивки у платьев не исчезли, а наоборот, развиваются и обогащаются вышивками других туркменских племен, например, текинских и др. Наблюдаются случаи нарушения ранее строго соблюдаемых обычаев, так теперь можно видеть и женщин, и девушек, которые носят длинные штаны, украшенные у шиколоток подобно текинским разнообразными вышивками. Напротив, количество серебряных нашивок на платьях у женщин и девушек резко уменьшается из-за неудобства ношения. Женский халат (дон) почти исчезает—вводится пальто. Другие виды халатов—кулече и особенно чабыт—еще широко бытуют среди колхозниц. Топбы заменяются или платками (сачаклы эсги) фабричного производства, или же шапками сравнительно меньшего размера, чем прежние, причем твердая основа делается только из легкой соломы (пахал). В связи с этим уменьшается на головном уборе и количество платков и серебряных украшений. Те из женщин, которые совсем отказались от топбы, уже не надевают на голову никаких халатов-накидок, а те, которые еще носят маленькую топбы, носят легкий халат-накидку в исключительных случаях (во время поездки в гости, на свадьбы и т. д.); часть женщин заменяют пуренджек красивым платком. Тяжелые халаты-накидки (чырпы, махмал) носят лишь некоторые молодые женщины в первые дни пребывания в доме мужа, а также женщины во время свадьбы, причем многие из них приходят на свадьбу нарядно одетыми в халатах-накидках, но сразу снимают тяжелый пуренджек (рис. 10).

Что касается местной обуви, то локко совсем вышли из употребления, их заменяют полуботинки с низкими каблучками или же азиатские галоши. Старинные туфли (гара көвүш) носят только невесты и молодые женщины.

Девушки не носят серебряных украшений на макушке тибетейки (гупба). Они надевают гупба, только выходя замуж, и снимают на 3 день после свадьбы, заменяя тибетей-

Рис. 10. Колхозница в современной национальной одежде.

ку женским головным убором—платком или маленькой шапкой (топбы).

Нашейные украшения (гаргалык и гуляка), а также маленькие серьги ещё бытуют, в то время как другие виды серебряных украшений — тяжелый манлайлык, сач увжы, гурсакча, билезик, хейкел и т. д. — надеваются очень редко (только во время свадьбы).

Все перечисленные изменения в комплексе женской одежды имеют прогрессивное значение, освобождая женщину от векового рабского подчинения мрачным законам адата и шариата. Однако в комплексе женской одежды ещё сохраняются некоторые элементы, являющиеся вредным пережитком — ношение топбы, пуренджек и яшмака.

Это со всей ясностью говорит о том, что необходимо не ослаблять, а ещё более усиливать проводимую среди населения массово-разъяснительную и культурно-просветительную работу. Благодаря проводимой работе активистов, советской интеллигенции, стираются различия, имевшиеся в материальной культуре туркмен.

Детская одежда отличалась несколько от одежды взрослых (рис. 11).

Раньше рубашу ребенка (до 2—3 лет) шили швом наружу. Ребенку надевали ватную рубашу (пагталы куртте), которую шили обыкновенно, как и взрослым. Головным убором служила тюбетейка иногда вышитая, иногда даже ватная (пагталы борик)¹.

Её крепко привязывали одним или несколькими платками, а с течением времени стали надевать (преимущественно мальчикам) шапки с бархатной, иногда меховой обшивкой (хыррам, по-текински—шырдак)², а затем—обыкновенную шапку из шкуры молодого барашка, которую не носили девочки.

Открытие широкой сети школ, детских ясель, массово-разъяснительная и культурно-просветительная работа, проводимая среди колхозниц, частое посещение медработниками семей колхозников и другие мероприятия избавили многих детей от невежественных приемов прежней системы воспитания. В настоящее время в детском саду дети играют без налобной повязки, а дома эту существующую лишь кое-где повязку затягивают очень слабо, а в большинстве случаев она заменена каракулевой шапочкой (хыррам). На ноги ре-

¹ Ватная тюбетейка бытует у эрсаринцев, поэтому мы предполагаем, что она была заимствована от чаршангинцев, издавна живших среди сарыков.

² Инженер Лессар в 1884 г. писал, что многие вместо туркменской бараньей шапки носят бухарские суконные тюбетейки, обшитые узкою полоской меха. См. Сборник материалов по Азии, стр. 22.

Рис. 11. Девочка в платье с воротом „чэяк“.

бенку надевают теперь покупные ботинки, сандалии, галоши, тогда как в старое время среди сарыков почти не существовало детской обуви. Детей обычно одевали тепло, но они круглый год ходили без обуви.

Мужчины-сарыки раньше брили голову и носили бороду и усы, теперь же, наоборот,—многие бреют бороду и усы, а волосы на голове оставляют. Чаше же колхозники, включая даже некоторых пожилых людей, бреют усы, бороду и голову. В прошлом у мальчиков на макушке с двух сторон оставляли чубы (чокул), которые сбривали только после женитьбы. У девочек же, кроме этих двух чубов, оставляли еще волосы на лбу и затылке.

Начиная с 3—4 лет девочку не брили. Девочки и девушки заплетали свои волосы в 4 косички, подвешивая к ним многочисленные кисточки преимущественно синего и красного цветов и серебряные украшения. Две косички спускались вперед, а остальные две — за спину¹. Женщины заплетали сзади 2 косы и подвешивали на них различные серебряные украшения.

Женщины и девушки почти ежедневно, обычно утром, сидя на кошме, причесывали свои волосы деревянными расческами (баш дарак) и время от времени мыли их кислым молоком (без мыла). Волосы надо лбом, выходящие из-под головного убора (зулп), смазывали маслом. Обычно это делалось после кушания плова или жареного мяса — женщины вытирали жирные руки о волосы. Таким же способом смазывали свои усы мужчины. Прически их в настоящее время перетерпели большие изменения: теперь женщины не вешают на косы тяжелых серебряных украшений и не мажут их жиром.

Большая часть молодежи, особенно учащейся или закончившей вузы, причесывается по-городскому.

Посуда (гап-чанак) сарыков состояла в прошлом из привозных чугунных котлов (газан), деревянных тарелок (око-ро чанак), ложек треугольной формы (чемче, сусок) с длинными ручками и различных видов кипятильников (чайжуш, по-текински—тунче, танка), изготовленных из меди и чугуна. В качестве посуды использовались также бурдюки из бараньей шкуры (тулум, яннык) и сосуды, изготовленные из особого рода тыквы (суйт-кэди). Треножник (таган) изготовляли местные мастера, а глиняные кувшины (куйзе) для воды с одной ручкой (гулп) и маленьким горлышком, сделанные из обожженной глины, и кувшины с глазурью (сырча)

¹ Девушки-текинки никогда не носили кос сзади.

внутри с большим горлышком и четырьмя иногда двумя ручками (гор куйзе) для масла, молока, меда покупали на местных рынках в Чарджоу, Бухаре, Самарканде и других городах. В настоящее время кувшины для воды изготавливают промартели. Колхозники предпочитают эти кувшины, так как в летнее время в таких кувшинах охлаждается вода.

После вхождения в состав России зажиточная часть сарыков начала пользоваться самоварами, фарфоровыми чайниками (чэйнек) и пиалами (кэсе), имеющими большое пространство и в настоящее время, ибо теперь они стали доступны всем. Сейчас любой колхозник в состоянии купить разнообразную фарфоровую, эмалированную и алюминиевую посуду сарыков в местных магазинах.

Прежде бытовавшая у сарыков деревянная посуда почти вышла из употребления и заменена фарфоровой, эмалированной и алюминиевой посудой фабричного производства. Впервые в истории в домашний обиход вошли вилки.

В летнее время они нередко готовят обед в чугунных котлах (газан), приобретенных в колхозном магазине.

Горячие блюда у сарыков состояли раньше в основном из шурпы (чорба нан), изготовленной из жареного мяса (говурма), которое затем варится, и накрошенного хлеба, без всяких овощей, крупы и лапши. Иногда в шурпу клали тыкву, предпочитая сорт так называемой хыва кэди; если не было такого сорта, то клали даш кэди (дословно — каменная тыква), а иногда и хайван кэди (кормовая тыква).

Сарыки готовили также лапшу (ун аш), сделанную из теста, иногда с фасолью (нойба) и заправленную кислым молоком, без жиров; ун аш обычно ели без хлеба. Варили также кашу из джугары (кодже)¹ и пшеничной крупы (ярма).

Излюбленным блюдом было вареное мясо (гайнатма), навар от которого использовали для изготовления мясного бульона с накрошенным в него хлебом (чорба нан). Готовили также, но очень редко (обычно когда резали барана) особого рода соус (чекдирме): сперва слегка поджаривали мясо, затем наливали немного воды и тушили. Это блюдо обычно ели с хлебом. Особо любимыми блюдами были жареное мясо, а также плов, частое употребление которых было, однако, доступно лишь имущим. Во время празднества или поминок готовили особого рода шурпу (догромо) — варили мясо в больших котлах, мясной бульон наливали в тарелку, наполненную смесью накрошенного хлеба, лука и вареного мяса.

¹ Про кодже говорили, что она «по питательности уступает соломе».

Из муки готовили болтушку (буломок) с накрошенным в нее хлебом. На накрошенный хлеб лили немного масла и, размяв его, ели. Это кушанье называлось «овмач». Из зерен пшеницы готовили говургу (жареную пшеницу); обмолоченная говурга называлась «талхан», а вареная в соленой воде пшеница — «деник». Насыпав в таз пшеницу, заливали её водой и прорастивали до 3—5 см, после чего клали в ступу (соки) и толкли. Отжав получившийся сок, кипятили его с жареной мукой (талхан). Получившаяся каша называлась «семене». Из кислого молока готовили сгущенное молоко соленое (сузме) и несоленое (чекизе). Высушенное сузме называлось «гурт». Многие из вышеупомянутых блюд были доступны в прошлом лишь состоятельной части сарыков. Беднота же довольствовалась обычно кислым молоком, мучной болтушкой и тыквенной кашей.

Победа колхозного строя высоко подняла уровень материальной жизни трудящихся-сарыков. Впервые в их истории голод перестал быть спутником крестьянской семьи. Избавленное от гнета дайханство имеет все возможности для нормального питания. Кроме того, несколько изменилось и качество самих блюд; увеличился и их ассортимент — появились новые блюда. Так, шурпу теперь готовят с помидорами, картофелем и другими овощами. Кроме того, готовят борщ с мясом, капустой, помидорами хотя и называют его привычным названием «чорба». Большое распространение получил соус, за которым также осталось старое название «чорба».

Все блюда раньше приготавливали на очагах, имевших различную форму. Так, в кибитке очаг состоял из ровной квадратной площадки, на которую ставили кипятивник для чая или треножник с чугунным котлом. Таким очагом пользовались обычно в зимнее время. В летнее время очаг находился у кибитки. Очаги устраивали или в вырытой в земле яме, имеющей круглое отверстие для котла (ер ожок) или же из двух глиняных полукругов толщиной в 3—4 пальца (лай ожок), в которых с одной стороны оставлен дымоход (жерук), а с другой — отверстие для отопления (агыз). В обоих случаях кипятивник ставили прямо на пол у огня.

Теперь в зимнее время обед готовят на печке, а в летнее — на очаге, у дома.

Хлеб пекут в специальной печке (тамдыр), сделанной из глины и смазанной с двух сторон смесью глины и соломы. Такая печка имеет круглую форму (высота ее около 1 м), с четырьмя отверстиями в нижней части для поступления воздуха. Ее строят возможно дальше от хозяйственных соору-

жений и жилых помещений. Печку для хлеба топят колючкой (яндак) или же дровами.

Туркмены-сарыки издавна занимались различными домашними промыслами и ремеслами: кошмовалянием (кече этмек), ткачеством (гозок, докма), ковроделием (халы докам), вязанием (ермек), обработкой кожи (дери эйлемек), шапошничеством (телпек тикмек), кибиточным (ейчилик), а также кузнечным (демирчи) ремеслами и др. Некоторые из этих ремесел в наши дни потеряли свое значение, другие имеют дальнейшие перспективы развития, третьи полностью ушли в область предания, будучи не в состоянии удовлетворить потребностям новых людей—колхозное крестьянство. Например, местное индивидуальное ткачество, являвшееся неразрывным спутником замкнутого, натурального хозяйства, почти полностью перестало существовать.

В прошлом сарычки ткали для своей семьи различные ткани из хлопкового волокна, шелка и шерсти. Очищали хлопок в основном ручным способом, а иногда применяли и местные деревянные джины (джык), состоящие из ручки и двух параллельных палок со спиральными нарезками, которые поддерживались с двух сторон деревянными стойками, сбоку которых была приделана ручка. Во время чистки шерсти ее расстилали на паласе и били прутьями из гребенщика (сачаг), после чего расчесывали при помощи особого вида деревянного гребня (йунг дарак), состоящего из деревянной треугольной стойки и вертикально посаженных на ее острый угол многочисленных металлических зубцов (диш).

Пряли с помощью местного веретена (ик), состоящего из одной палки и деревянного конусообразного колечка-напряжителя (икбаш), или же заменяющего прясло креста из двух палок (атанак). Пряжа имела в основном три назначения и была разной по своим качествам (толщине, прочности и названию). Нитки для основы ткани (эриш) делались прочнее, чем для поперечной нитки (аргач) ткани. Нитки, предназначенные для шивания материала, изготовлялись по-разному, в зависимости от ее назначения. Например, для шитья мешка изготовляли толстый шпагат (ушлуп), а для пошива белья — тонкие нитки (йуплук). Ткацкий стан был двух типов: для неширокой ткани и ковровых изделий. Станок для шерстяных и хлопчатобумажных тканей (докма) состоял из 4-х колец (газык), образующих основу станка, воткнутых в землю, 2-х поперечных палок (ок), на которые натягивались основа и ремизы («күжи»)¹, состоящие из скру-

¹ «Күжи» поочередно (баш аша) поднимал продольные нитки (эриш) и тем самым создавал возможность провести поперечные нитки (аргач) во внутрь продольных (арагач гечирме).

ченных хлопчатобумажных ниток, поддерживаемых сверху одной поперечной палкой (күжи агач), а также двумя подвижными глиняными стойками (гуч аяк). Эти ножки передвигались ткачихой одновременно с «күжи», потому что готовая ткань в таких станках не наматывалась на ось, она была вынуждена передвигаться вперед по готовой части материи, одновременно передвигая и впереди стоящий «күжи». Ткали материю при помощи деревянного берда (гылыч)¹. На нем ткали портянки (долок), различного вида тесьму для деталей кибитки, а также материю для шерстяного халата (чэкмен), мешка (аргыч чувал) и т. д. Ширина материи, изготовленной на таком станке, колебалась от 5 до 20 см.

Ковровый станок (докма) построен по такому же принципу, как и вышеописанный станок для широких тканей, и в то же время отличается от него крупными размерами своих деталей. Колья делали из больших кусков дерева, а оси (ок) — из толстых и длинных брусьев. Длина оси одинакова с длиной «күжи агач», но больше нужной ширины паласа или ковра. Вместо берда (гылыч) применяли особый железный гребень (докма дарак) с деревянной ручкой (сап). Этим гребнем ткачиха сильно била по толстому шнуру (сыгсы), проведенному после каждой поперечной нитки. Как только поперечная нитка (аргач), проведенная между долевыми нитками (эриш), плотно прилегала (при тканье паласа) к предыдущей (аргач) или к очередному ряду кисточек (читим) ковра, прижимая их к предыдущей нитке, расположенной теперь между двумя рядами кисточек, снимали этот шнурок (сыгсы) и начинали проводить (при тканье паласа) очередную нитку, или же (при тканье ковра) привязывали к каждой паре продольных ниток основу (эриш) по одной кисточке, подбирая необходимые цвета с расчетом получить впоследствии намечаемый орнамент. После завязывания каждой кисточки срезали концы у каждой из них при помощи специального ножа (кесер), имеющего дугообразную форму острием наружу. Два полных ряда кисточек подравнивали особым видом ножницы (сынды—произносится *сынны*).

Туркменки-сарычки умели вязать носки без орнамента, инструментом для вязания служили спицы—(теменчир), а также плели топбы из сухих стеблей пшеницы или же из остатков материи, скручивая кусочки и сшивая их нитками при помощи большой иголки (темен). Кроме того, они выделывали кожи для шапок и для посуды, обрабатывая шкуры

¹ Станок (докма) состоял из 3-х колец, образующих остроугольный треугольник. В таком случае основу треугольника образовывала одна поперечная палка, находящаяся возле готовой части ткани.

кислым молоком, иногда коптили их, подвешивая на долгое время под потолком кибитки. В настоящее время колхозницы лишь изредка выделывают каракулевые шкурки для своей семьи.

Пошив головных уборов считался мужской профессией. Шили шапки в каждом ауле отдельные мастера, сочетая это занятие с земледелием. Инструментами мастеру служили ножи, иголки и нитки. В настоящее время многие мужчины сами шьют себе ушанки, а женщины помогают им простегивать подкладку (ишлик) на швейной машине.

Резьбой по дереву и по тыкве занимались мужчины. На тыкве, предназначенной для особого вида табака (нас), кончиком ножа они вырезали узоры различных вышивок. Резьбу покрывали сажей, смешанной с маслом, для придания большей рельефности. По дереву также производили резьбу при помощи молотка (чекич) и долота (исгене), изделие не мазали сажей. При резьбе по дереву преобладал растительный орнамент (цветы).

В настоящее время эти виды искусства не утратили своего значения, но предметы, на которых производится резьба, стали иными. Так, в старое время резьбу делали на двери кибитки, мечети, на столбах эйвана. Теперь все двери делаются типа городских, и подпорки для эйвана тоже имеют гладкую 6-гранную или 4-гранную форму. Но в то же время почти все эйваны, построенные в новом поселке, имеют широкую красивую доску, продольно поставленную под карнизом фасада дома, нижняя часть которой украшена традиционным растительным орнаментом. Украшение на пастушеской палке (таяк) и «нас кэди» и в настоящее время часто встречаются в колхозе.

Кибиточное ремесло, существовавшее до колхозного строя, было мужским занятием, специальной профессией. Мастера (усса) имели свои мастерские для производства кибиток (рис. 12).

Мастерская состояла из большой комнаты. Внутри этой комнаты находился камин (мор), состоявший из трёх частей: топки (оджак), круглой высокой глиняной печи (тамдыр), глубина подземной части которой 0,5 м, а высота надземной части 1 м, подземного туннеля (мор) длиной 5—6 шагов, соединяющего топку с глиняной печью. В эту печку вертикально клали заранее разрезанные, нужных размеров жерди и закрывали сверху ватной рваниной. После этого зажигали огонь у отверстия, и дым, проходя через туннель, наполнял печь. Дымом высушивали жерди или же смягчали ранее высушенные, пересохшие жерди. После этого на специальном

станке (дукан) придавали жердям нужную форму: выпрямляли или же сгибали жерди, а также строгали их. Дукан состоял из 2-х частей: разветвленного (в верхней части отрезка дерева) высотой около 1 м дукана (развилка которого называется «хатджа»), и деревянной жерди (дэхмерде) длиной

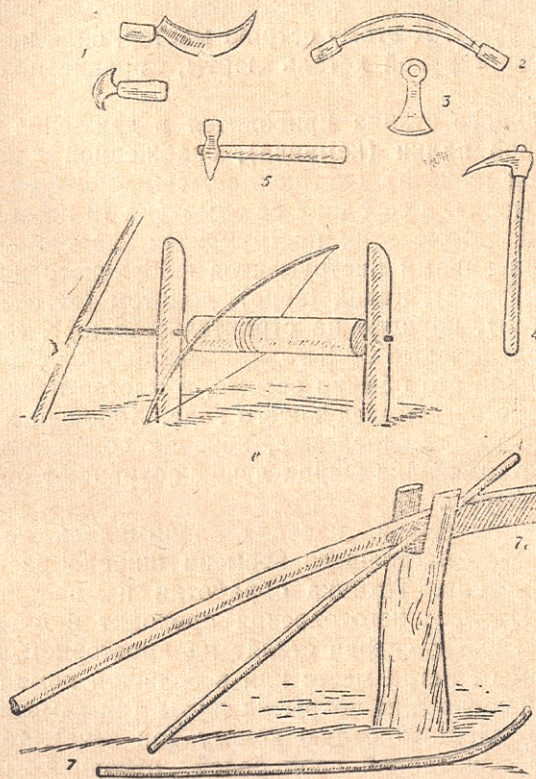

Рис. 12. Инструменты для выделки остова юрт.
1—сапожные ножи (кесер); 2—рубанок (ренде); 3—тесло (теше); 4—тесло с деревянной ручкой (теше); 5—молоток (чекич); 6—станок для сверления (перми); 7—приспособление для сгибания жердей (дукан); 7а—рабочая часть рычага дукана (хачча).

2 м, диаметром 5—6 см. Мастер, стоя у станка на расстоянии около одного шага, кладет в развилку один конец дэхмерде, другой конец прижимает правым бедром (уйлук) к развилке. После этого, положив в развилку обрабатываемую жердь, придают ей нужную форму. Таким же способом (держая жердь при помощи дэхмерде) при помощи строгалки (ренде — серпообразный нож, имеющий на двух концах деревянные ручки) строгали дерево. Инструмент для

сверления (перми) состоял из двух параллельных кольев, в середине которых проходит поперечная ось (ок), снабженная на одном конце железным гвоздиком (суйбек), который упирается в стальной лист (тегек), прикрепленный с наружной стороны другого кола, а на другом — шилом (биз). Шило для сверления, проходя сквозь один из колея, выходит своим острием наружу. К этому острию мастер, сидя на земле, прижимает одной рукой деталь юрты, предназначенную для сверления.

Ось данного станка приводится в движение с помощью дугообразной палки (кеманча), снабженной длинной кожаной тесьмой (гайыш). Оба конца тесьмы прикреплены к двум концам кеманча, а середина ее обмотана (в несколько рядов) вокруг оси. Кроме этих инструментов, мастер пользовался различными видами инструментов фабричного производства: стамеской (теше), пилой (эрре), долотом (исгене) и т. п.

Иву (тал), идущую на строительство юрт, срезали регулярно, через каждые 2—3 года, сравнивая её с поверхностью земли. Делали это обычно осенью, а мастер начинал обрабатывать иву с весны следующего года. Хорошей для обработки считалась срезанная ива, которая сохла год и больше, ибо хорошо высохшие жерди лучше сохраняют приданную ей мастером форму.

Женщины-сарычки издавна занимались кошмовалянием, которое до настоящего времени широко распространено среди колхозниц. Техника обработки и валяния остается прежней. Процесс изготовления проходит в следующей последовательности: сперва стелят на просторном, ровном, защищенном от ветра месте или в большой комнате циновку, предназначенную для покрытия юрты (өй гамыш). Если хотят валять гладкую белую кошму (ак кече), то на камыш сначала стелят тонкий слой белой отборной шерсти так называемой «йуз» (лицо), если же узорчатую (гулли кече), — то перед тем, как стелить лицевой слой, укладывают по краям циновки неширокий слой черной шерсти шириной 12—15 см, образующий рамку («гыра гара», дословно — черный край). Внутри этой рамки располагается орнаментированная середина, образуемая искусно изготовленными из крашеной шерсти тоненькими (1—2 см) ленточками, в большинстве случаев разделяющими площадь будущей кошмы на несколько участков, в которых размещают различные узоры из цветной шерсти. Преобладает геометрический орнамент так называемый «гүл» (гюль — цветок). На орнамент стелят «йуз» (лицо). После лицевой части кошмы идет толстый слой низкокачественной шерсти любого цвета «орта» (средняя часть). Самый верхний слой кош-

мы «арка» (спина, нижняя часть) делают из одноцветной (по возможности белой) шерсти. После этого осторожно и очень искусно переворачивают все эти слои, не нарушая их расположения с тем расчетом, чтобы весь рисунок (гюль) оказался наверху. Это делается для того, чтобы при катании размоченной шерсти не исказился рисунок будущей кошмы. Затем несколько женщин, сидя, осторожно и равномерно начинают заворачивать эти слои вместе с циновкой, после чего образуется толстый камышовый рулон (топ). Топ заливают водой и обматывают среднюю часть длинной веревкой. За каждый конец этой веревки берутся по одному человеку (обычно мужчины) и катают рулон в течение нескольких часов, не забывая в то же время (сперва через каждые 10—15 минут, а потом реже) поливать рулон водой. Затем открывают рулон, и несколько женщин, сидя на коленях, катают кошму голыми руками (билек), предплечьями сдавливая с большой силой кошму (кече басмак — дословно сдавливать кошму). Затем женщины делятся на две группы и, положив кошму посередине в беспорядочно сложенном виде, сидя, катают ее ногами от одной группы к другой. Этот процесс тоже продолжается несколько часов, после чего кошму расстилают на эту же циновку и просушивают на солнце со всех сторон. Такая кошма называется «хам», что значит сырая, неготовая¹. Через некоторое время, иногда даже через год, ее снова, обливая предварительно кипятком, катают (кече басмак) сперва (пока она горячая) ногами, а затем руками. Этот прием называется «кече биширме» (дословно — кошмоварение). После сушки готовая кошма становится меньше размером, но прочнее, тверже и толще. Только тогда ею начинают пользоваться в хозяйстве или же продают.

Колхозницы колхоза «Коммунизм» валяют кошмы только для своего хозяйства обычно перед началом хлопкоуборочной кампании, когда окучка хлопка завершена. Сарыкская кошма (сарык кече) и в старое время, и теперь славится своей прочностью, хорошим качеством и красивым орнаментом.

* * *

В прошлом семейный уклад сарыков был строго патриархальным. Главой семьи являлся отец (акка)², а после его смерти — старший сын (ага). Глава семьи распределял ра-

¹ «Хам» — дословно невареная (по-текински — «чиг»).

² «Акка» — по-текински «кака». иногда говорят и «ата».

боту в хозяйстве и решал все дела, связанные с другими хозяйствами и участием в земельно-водной общине (дашки иш). Каждый, приходивший по какому-либо делу, обращался только к главе семьи. Если его не было дома, остальные члены семьи не могли дать никакого ответа, кроме: «Геленсоң гөрерис, нәме дийәр (посмотрим, что он скажет, когда придет)», или «Гелсин, айдалы (придет, передадим)». Только глава семьи мог брать взаймы или требовать долг, принимать или отклонять приглашение в гости, мог наказывать любого члена семьи, все ему беспрекословно подчинялись.

Если главой был дед (баба), то его власть распространялась не только на собственных детей и внуков, но и на детей и внуков его родственников, у которых деда уже умерли.

Среди сыновей строго уважалось старшинство. Положение младшего сына было весьма незавидным. В пословице говорилось: «Туркмениң кичиги баландан, итниң кучуги болан хем яхшы (лучше быть кутенком, чем младшим сыном туркмена)». Он должен был исполнять все капризы старших братьев, поливать всем мужчинам в семье воду при мытье рук перед едой и после еды, подавать кушания, относить посуду и оказывать другие услуги.

Всех сыновей до женитьбы приучали к мужскому труду: полевым работам, уходу за скотом, находящимся на дальних пастбищах, постройке кепбе, забора, коровника, заготовке дров и т. д.

Большим почетом в семье пользовался дядя (дайы), брат матери. Однако он не имел права вмешиваться в дашки иш.

В домашних делах (ички иш) вся власть принадлежала матери (эне, по-текински—эже). Женской работой считалось доение коров и овец, ткачество, шитье, стирка, уход за ребенком, откорм баранов (баг гоюн), предназначенных к убою осенью, соблюдение чистоты в кибитке, хранение одежды, приготовление пищи и хранение продуктов. В распорядке матери находились снохи (гелин), которым она поручала основные домашние работы, и все дети, за исключением взрослых сыновей. Сыновьям она могла давать советы или указания лишь по чисто семейным вопросам. Мать не имела никакого права вмешиваться в дашки иш, даже если это касалось судьбы её детей. Если была жива бабушка по отцовской линии (мама), то вся власть над снохами и детьми принадлежала ей, а не матери.

Невестка (гелин) была самой бесправной в семье. Муж мог безнаказанно избивать жену. Это было санкционирова-

но законами шариата. Муллы говорили: «Эрин таягнын деген ерине довзахын оды дегмез (куда попадет дубина мужа, туда не попадет огонь ада)».

Женщина должна была закрывать рот особым платком (яшмак), поверх головного убора накидывать халат (пуренджек), носить платье, спускающееся до земли, с длинными рукавами, закрывающими пальцы.

Женщина должна была говорить очень тихо, чтобы её голос не был слышен за решетчатой стенкой кибитки. Нарушавшую это правило называли «довзохы» (женщина, предназначенная для ада). Она почти всегда держала глаза опущенными (аялынг гөзи сузук болмасы), опасаясь взглянуть на постороннего мужчину (нэ мэхрем), иначе ее тоже назовут «довзохы». Мужчины считали унижительным для себя ходить куда-либо с женщиной. Если в этом была необходимость, женщина шла позади мужчины.

Женщинам запрещалось прикасаться к сельскохозяйственным орудиям. Считалось позорным для мужчины, если его жена или даже родственница работали в поле.

При переездах или когда отправлялись в дальний аул в гости, в седло сажали сначала мальчика, который держал уздечку, а позади него садилась женщина, так как ей запрещалось братья за уздечку.

Женщина не имела права, иногда до самой старости, разговаривать (агыз ачмак)¹ со старшими в своей семье. Каждое утро она обязана была их приветствовать (баш эгме) низким поклоном. Ей никогда не разрешалось разговаривать со старшими из аула мужа (гайнын оба). Старшинство считалось по возрасту мужа. Так, если женщине было тридцать лет, а ее мужу пятнадцать (таких супружеских пар было не мало)², то уже шестнадцатилетние юноши и девушки из аула мужа считались старше ее, и она не могла с ними разговаривать.

Резкая разница в возрасте супругов, довольно часто наблюдавшаяся у сарыков, приводила порой к анекдотическим положениям. Дочь, выданная за старика, иногда оказывалась в категории старших по отношению к своему отцу. В таком случае при встрече с отцом она должна была упот-

¹ Дословно «открывать рот».

² Причиной наличия таких ненормальных явлений является соблюдение обычая левирата (дакылма). В таком случае при первой возможности муж женился ещё и на девушке. Эти явления тоже способствовали увеличению фактов многоженства. Обычай левирата привел к неизбежному многоженству, в крайнем случае — к двоеженству, ибо духовенство объясняло, что каждый на том свете может встречаться со своей женой, если он женился на ней тогда, когда она была девушкой — жена по левирату (дакылма) — должна идти к первому мужу.

реблять приветствие старших «аманмы» (как живешь?) вместо «салам элик» (привет), как полагалось говорить младшим. Отсюда шуточное выражение: «Акка, аманмы», которое употребляли сарыки, желая подчеркнуть нелепое положение отца по отношению к дочери.

Женщина не имела права подавать руки во время приветствия. Младшая (по возрасту мужа) низко склонялась перед старшей, а та, произнося «аманмы», хлопала ее обеими руками по плечам. Если у встретившихся мужья были ровесники, то обе хлопали друг друга по плечам, и обе говорили «салам элик».

Гость, который был моложе мужа хозяйки, произнося «салам алейким» (привет), подавал ей правый рукав, спрятав кисть руки. Женщина, сказав «аманмы», хлопала обеими руками по рукаву. Мужчина отвечал ей: «Шукур» (доволен) или «Шукур худая» (доволен волею бога). Если гость был старше ее мужа, женщина издали кивала ему головой, держа глаза опущенными. Гость говорил ей: «Аманмы». Она не должна была ему отвечать.

Женщинам и девушкам не разрешалось подавать угощение гостям-мужчинам, но они обязаны были его приготовить.

С наступлением сумерек (хубдан) женщины обязаны были закрыть верхнее отверстие в юрте (туйнук) и уже больше не выходить из кибитки до рассвета (сэхер-даң). Если женщина не успевала выполнить на рассвете, пока все спали, полагавшееся по шариату омовение (шариат буйругы), то ей как «ини харам» (тело нечистое) не разрешали готовить завтрак. Муж в таких случаях ее бил. Вообще, кроме мужа, ее мог бить брат мужа или свекровь. Избиваемой невестке запрещалось не только сопротивляться, но и громко плакать. Не зря сложилась поговорка: «Гелинде дил ёк, гайын энеде ынсап (у снохи нет языка, а у свекрови — жалости)».

Было много запретных для женщины мест, якобы охраняемых злыми духами (джин-арвах). Ей, например, не разрешалось подходить к брошенной золе или к месту убоя скота. В случаях крайней необходимости женщина могла идти в запрещенное место только с кем-либо из членов семьи мужского пола, пусть даже это будет пятилетний мальчик.

Жена никогда не могла называть своего мужа по имени. До рождения первого ребенка она, обращаясь к нему, называла имя его младшей сестры и добавляла слово «агасы» (ее старший брат), а если сестры были старше его, то она называла имя любой из них и добавляла слово «уясы»

(ее младший брат). Когда появлялись дети, жена, обращаясь к мужу, называла имя ребенка и добавляла слово «аккасы» (его отец).

После смерти мужа женщина должна была стать женой его брата (левират), даже если он уже имел жену или еще не достиг совершеннолетия. В таких случаях родителям вдовы платили калым. Если у мужа не было брата и вдова хотела вернуться к своим родителям, то она должна была навсегда расстаться со своими детьми. Ей не позволялось взять с собой даже грудного ребенка и не имела права больше показываться в доме мужа — «Бир эре гиден горунмез, бир — де गरे гиден» (больше не покажутся ушедшая замуж и ушедший в могилу).

Добиться возвращения к родителям удавалось только дочерям богатых. Большинство на всю жизнь оставалось в доме родителей мужа, не имея права выходить замуж за других посторонних мужчин. Иное положение было у мужчин, если умирала жена. Мужчина должен был немедленно жениться вновь, так как, по поверью, не женившийся до сорока дней (кыркы) со смерти жены может на всю жизнь остаться вдовцом.

Однако строгое соблюдение всяческих запретов, законов адата и шариата, утверждавших приниженное и бесправное положение женщины, в прошлом неуклонно проводилось главным образом в богатых семьях. Среди трудового народа чаще можно было встретить более человеческое отношение к женщине.

Находившиеся под гнетом эксплуататоров, унижаемые в своем человеческом достоинстве бедняки, естественно, искали моральной поддержки в семье. Бедняк видел в своей жене верную помощницу в тяжелой борьбе с нуждой. «Экленип билмесең—аял ал», — говорили они (то есть если не сможешь прокормиться, то женись). В народе жило много пословиц, отмечавших различные достоинства женщин: «Ягши аял арпа наньны кебаб эдер (хорошая женщина ячменный хлеб способна превратить в шашлык)» или «Ягшы аял биринги ики эдер (хорошая женщина из одной вещи две сделает)».

По обычаю, женщина должна была рожать в кибитке на мужской половине (эркек дул), там, где рожала мать мужа. Перед родами с пола снимали циновку (бойро), палас и кошмы и насыпали песок или землю, предварительно прокаленные в котле. Женщина рожала, сидя на этом песке. Рядом с ней сидели повивальные бабки, которые держали ее за поясицу. После родов женщина несколько дней лежала на носке, который лишь изредка меняли.

Считалось, что роды пройдут легче, если мужа не будет дома. Рождение девочки очень огорчало мужа. Иное дело — если родился мальчик. Для сообщения радостного известия за мужем посылали специального вестового. Узнав о рождении сына, муж преподносил сообщившему подарок (бушдылык).

Рождение сына вызывало ликованье в семье. Говорили: «Довлет гелды» (пришло счастье, богатство). Стены кибитки, где родился мальчик, внутри и снаружи украшали ватными фигурками, изображавшими звезды, лунный серп, солнце, домашних животных (коня и барашка), их не снимали обычно в течение 40 дней, пока действовали все запреты, связанные с рождением ребенка. За это время не полагалось, например, вносить в кибитку свежее мясо. Сюда не могли входить родители, у которых тоже были новорожденные. Okolo ребенка обязательно держали нож или саблю для охраны его от злых духов (ал—арвах).

Прежде всего о рождении мальчика сообщали суфию (сопы) или кому-либо из стариков, умеющему читать молитвы (азан айытмак). Суфий во весь голос читал молитву, стоя у кибитки сначала с правой, а затем с левой стороны, и таким образом оповещал весь аул о радостном событии.

В честь рождения сына устраивалось празднество (той). Приехавшие на той приветствовали новорожденного словами: «Яшы узын-болсын (пусть живет подольше)». Женщины открывали новорожденному лицо и, проводя по нему обеими руками, говорили: «Бизеде худай етирсин (пусть бог даст нам тоже)».

К имени новорожденного обычно прибавляли «лакам» — слово, обозначающее принадлежность к данной семье. Например, в семье Мэтджик-ага в качестве лакам было принято арабское слово «нияз», что обозначало «внимание», «предназначенный дар».

Впоследствии данное при рождении имя правильно и полностью произносилось только во время свадьбы и на похоронах этого человека. В повседневном общении «лакам» обычно отбрасывали, да и само имя нередко искажали или заменяли каким-либо другим. Это ярко видно на примере Мэтджик-ага, который при рождении был наречен Мэммедниязом. Его сына, нареченного при рождении Овезниязом, называли Овеняз¹.

По истечении года, а иногда и больше, дядя стриг своего племянника или племянницу, в честь чего устраивали неболь-

¹ Сам Мэтджик — Мемметнияз, а его сыновья: Аганияз, Овезнияз, а внуки: Мухамметнияз и т. д.

шое празднество, заключающееся в изготовлении «пишме» (ромбовидные кусочки теста, зажаренные в масле) и угощения им самых близких родственников.

При появлении первого зуба у ребенка совершался обряд, который назывался «патрак сечмек»: ребенка сажали по середине кибитки и посыпали его жареной кукурузой (патрак).

В игры и развлечения детей взрослые в основном не вмешивались, но, несмотря на это, действия взрослых находили свое отражение в детских развлечениях: девочки мастерили из палочек и тряпочек куклы только женского пола (гурджак), темой их игр была в основном свадьба, для мальчиков играть в гурджак считалось стыдным. Они лепили из глины фигуры всадников, воинов, «оюнджак» (игрушки). Темой их игр были нападение, оборона, хождение в гости, женитьба (атбашчы).

С семи лет родители отдавали детей в школу (мектеб), где они учились до 12 лет, а иногда и дольше.

Мальчики до 7—8 лет слушались мать, а потом подчинялись только отцу (акка), после отца—старшему брату, которому подчинялись все, за исключением главы семьи, затем—среднему и т. д.

Девочки с 10 лет считались девушками и не имели права разговаривать с мужчинами, за исключением своих самых близких родственников. На них смотрели как на вещь и на временных жильцов в доме родителей. Вместо слова «девушка» более деликатным считалось говорить «киши машгала-сы» (чужая доля), «начар», (беспомощная) и т. д.

К 13—14 годам¹, когда их обычно выдавали замуж, девочки должны были научиться печь хлеб, готовить обед и быть искусными в ковроткачестве и кошмовалении. Не вышедшие замуж до 16—17 лет считались старыми девами (гарры гыз), и калым за них снижался. Желая не прогадать на калыме, отец старался выдать засидевшуюся дочь за вдовца или женатого в качестве второй или третьей жены (хелей үстүне), так как они платили повышенный калым.

По сравнению с некоторыми другими туркменскими племенами у сарыков в брачных обрядах дольше сохранялись патриархальные пережитки. Сарыки, выбрав жениха, спрашивали, согласна ли девушка выйти за него замуж и считались с ее мнением, которое она сообщала родителям через «енце геленеже» (жен братьев).

С развитием классовых отношений эта древняя традиция сарыков стала все чаще нарушаться. Обуреваемый жаждой

¹ Ишаны и муллы говорили: «Телпек билев уранда йыкылмаса болар (можно считать совершеннолетней, если она не упадет при ударе мужской шапкой, сшитой из бараньей шкуры)».

наживы, отец стремился как можно выгоднее продать свою дочь. Калым стал дифференцироваться и в зависимости от положения родителя девушки в обществе. Дочь богача стояла в 1,5—2 раза дороже дочери рядового чистокровного (иг), сарыка, а последняя была в 1,5—2 раза дороже «гырнак» — дочери раба (гул).

Разные категории женихов, даже занимавших одинаковое положение в обществе, платили различный калым. Нормальным считался калым, который платил тот, кто женился в первый раз (бой). Дороже платил «телпеги аган» (уронивший шапку) — юноша, считавшийся вдовцом, так как его невеста, за которую родители уплатили калым, когда он был ребенком, умерла еще до его совершеннолетия. Ещё выше калым был для вдовца (дул), особенно с детьми. Очень дорого платили женатые за вторую жену, а за каждую последующую — еще дороже.

Как уже говорилось выше, калым был дифференцированный и прежде всего зависел от имущественного положения родителей невесты, от их происхождения, а также от различного положения женихов. Поэтому мы не можем согласиться с рядом авторов¹, которые, разбирая вопрос о калыме у туркмен, считали, что единственной причиной увеличения его размера был рост цен на хлопок². При этом данные авторы учитывали только денежную часть стоимости невесты. Но необходимо иметь в виду, что у сарыков (как и у текинцев) в стоимость калыма (баха) входили три вида расходов: деньги или скот, уплачиваемые за невесту, подарки (серпай) невесте, главным образом, различные отрезы, халаты, и, наконец, всякого рода откупы со стороны жениха и его родных во время свадебной церемонии (ичидашы). На подарки и откупы расходовались не меньше половины того, что уплачивалось деньгами или скотом за невесту. Эти расходы, естественно, зависели от степени достатка в доме невесты. Богатой невесте дарили более богатые подарки. И на откуп в таком доме уходило больше денег, чем в семье победнее.

За невесту уплачивали 30—100 туманов. «Серпай» состоял из 10—20 сумок (букджа), содержащих или по 10—20 хала-

¹ С. Г. Волынский. Основные вопросы строительства Туркменской ССР. Ашхабад, 1928; Н. А. Немченко. Динамика туркменского крестьянского хозяйства. Ашхабад, 1926; В. В. Русинов. Водоземельные отношения и община у туркмен. Ташкент, 1928; Я. Р. Винников. Социалистическое переустройство хозяйства и быта колхозников Марыйской обл. Туркменской ССР. Рукопись, научный архив Ин-та этнографии АН СССР, № 48.

² Несомненно, рост цен на хлопок в известной мере влиял на рост калыма.

тов и две пары обуви (гара ковуш), или отрезы на платье (кетени алача), платки (ахал эсги) и т. д. Когда приезжали за невестой, родственницы не давали вывести её из юрты, пока не получали каждая по туману. Среди сарыков рода союнали было несколько богачей, имевших по три-четыре жены (а у баев из рода гулджа было еще больше жен).

Рассказывая нам об этом, союналинцы вспоминали о пастухе Исмаил ага, который, прожив до 90 лет, смог женить из своих пяти сыновей, только одного, старшего. О богачах, имевших по нескольку жен, сарыки говорили: «Гавуныц говысыны шагал иер (лучшая дыня достается только шакалам)».

Браки по любви у туркмен были редким явлением, так как самовольные браки преследовались, и молодым было трудно скрываться. Если же их разыскивали, то жениха приговаривали к уплате огромного калыма, который совершенно разорял хозяйство.

Тем не менее песни девушек (лэте) были преисполнены чувства любви к прекрасным джигитам, которые жили в их мечтах. Этого чувства не могли заглушить никакие запреты. Но в жизни оно, как правило, не находило удовлетворения. Женихов им выбирали родители.

У сарыков был обычай заключать брачный договор (пата) задолго до того, как дочь становится девушкой. Родители нередко получали калым, когда девочке исполнялось всего 2 или 3 года. Её согласия на брак спрашивали потом, когда она становилась взрослой. Делалось это лишь ради формальности, так как изменить положение, если жених не хотел взять калым обратно, было почти невозможно. Девушки говорили: «Бетлагам эре барянчаң газылги гөре бар (лучше лечь в готовую могилу, чем итти к постылому мужу)». Но их заставляли покоряться, так как все права были на стороне жениха.

Собираясь женить сына, сарык в первую очередь строил ему кибитку¹. Поставив новую юрту, он устраивал той, во время которого проводились различные состязания и среди них обязательно прыжки (өе бөкмек): к самому куполу подвешивали дорогой платок с завязанными в него деньгами; доставший платок считался победителем.

Свахами (сез айдыджы) были родственницы отца жениха. Вместе с матерью жениха они отправлялись к родителям невесты и просили согласия продать им дочь. Родители не могли дать сразу ответа, так как по обычаю должны были спро-

¹ Текинцы сперва женили сына, а потом года через 2—3, а иногда и 5—6 строили юрту (өй тутмак).

свить согласия девушки. Если девушка не знала раньше жениха, то он должен был ей показаться.

Получив согласие, отец жениха вместе с несколькими почтенными стариками отправлялся к родителям невесты для заключения брачного договора (пата бермек) — установления размера калыма. У сарыков было принято уплачивать весь калым и отвозить подарки до свадьбы. Текинцы сначала вносили лишь половину калыма.

Для свадьбы назначали «счастливый» день (сэхедини беллемек). Жених отправлялся за невестой ночью в сопровождении нескольких всадников (атбашчи)¹.

Население аула невесты встречало приехавших (атбашчы) палками и камнями, забрасывало их тухлыми яйцами. Многие получали серьезное ранение или увечье. Бывали и смертные случаи, особенно при возвращении обратно, когда нападение становилось более ожесточенным.

Всадники останавливались на некотором расстоянии от кибитки. От них отделялся жених с двумя товарищами. К нему подводили невесту. Родственницы усаживали её в седло позади жениха, которого при этом шипали. В ответ он должен был бить их ногами и кнутом. Если он стеснялся и не отвечал на шипки, то его считали трусом.

Невесту вводили в юрту брата жениха или какого-либо другого близкого родственника.

После «венчания» (ника гыймак) выполняли обряд «гөк бөри». Сестра жениха подводила к нему барана, которому отрезали голову, варили её, а потом зашивали в мешок и передавали кому-либо из участников «гөк бөри», которые разделялись на две партии. Между партиями начиналась борьба за баранью голову. Сумевшие завладеть головой, уносили её с собой и съедали. В «гөк бөри» участвовали преимущественно мальчики и юноши, но были и взрослые. Непременным участником был жених.

Товарищи жениха после окончания «гөк бөри» должны были отвести его к юрте, где находилась невеста. Жениху полагалось все время сопротивляться, пока его вели к невесте. А потом он обязан был выгнать (при помощи кнута) из кибитки всех женщин и девушек, которые находились с невестой. После чего закрывал дверь на замок.

Через некоторое время товарищи начинали стучать по кибитке, требуя, чтобы новобрачный показал им лицо жены.

¹ У текинцев жених в свадебном поезде не участвовал, а его родственники отправлялись за невестой только утром. У них жених отправлялся за вдовой ночью; если он был сам вдов и женится на вдове, то в таком случае свадьбу не устраивают.

Он зажигал свет, подводил жену и заставлял её обратиться лицом к собравшимся.

Утром молодой, совершив обрядовое омовение¹, выходил из кибитки и не показывался в ней весь день. К ночи его снова приводили сюда товарищи таким же образом.

На третий день совершали обряд надевания топбы (баш салмак). Участники разделялись на две группы — женщины и девушки. К девушкам присоединялись и мальчики, которых переодевали в девичьи платья. Собравшиеся на баш салмак начинали с того, что ловили мать жениха и стаскивали с неё топбы.

Подбрасывая топбы, как мяч, они шипали и били кулаками её владелицу, пытавшуюся вернуть свой головной убор. Прюделав то же с одной из родственниц новобрачного, они приступили к его жене. Женщины пытались надеть на голову молодой заранее приготовленную для этого шапку. Девушки всячески мешали женщинам. Борьба продолжалась до тех пор, пока не побеждали женщины.

После баш салмак молодую отводили в её юрту. С этого времени она уже могла совершать обрядовое омовение (ине сув алмак) наравне со своим мужем.

У сарыков, как и у многих других туркменских племен, соблюдался обычай возвращения молодой на некоторое время в дом своих родителей вскоре после свадьбы (гайтарма). Следуя этому обычаю, к молодой приходили родственницы с приглашением навестить родительский дом. Приглашавшие (чагырыджи) приносили с собой тонкие, жареные в масле лепешки (чапаты и гатлаклы). Для угощения чагырыджи резали барана. Договорившись о дне, когда молодая сможет выехать к родителям, чагырыджи отправлялись домой. Им давали с собой чапаты и некоторое количество мяса. В доме родителей молодой, когда она туда прибывала, устраивали такое же угощение для сопровождавших её (гайтарыджи). Пробыв 2—3 недели—месяц в доме родителей, молодая навсегда возвращалась в дом мужа².

Молодой (йигит) не должен был показываться родственникам жены до тех пор, пока не будет выполнен обряд «шев чакылык» — приглашение зятя. Выполнение этого обряда приурочивали к какому-либо празднику. Получив приглашение, зять собирал 20—30 товарищей и отправлялся вместе с ними на арбе в дом тестя. Прибывшим отводили отдельное поме-

¹ У текинцев обрядовое купание полагалось только после возвращения молодухи (гайтарма) из отцовского дома (через несколько лет), то есть после обычая «гайдып гелмек» (возвращение к мужу).

² У текинцев молодая сразу после свадьбы возвращалась в дом родителей и жила там до тех пор, пока они не получали весь калым.

щение, угощали их, дарили халат. Потом хозяин отпускал гостей, говоря: «Мыхманлар, ругсадыр (гости, разрешаю уходить)». К этому времени близ кибитки собиралась толпа, готовая напасть на отъезжающих. Собравшиеся бросали в гостей камни и палки, не давая им выйти из помещения. Зять и его товарищи, пытаясь пробраться наружу, кутались в одеяла, шубы, кошмы. Как только они ступали на порог, на их головы с крыши лили кипяток (летом) или холодную воду (зимой). Загораживали выход, бросали сверху большие камни, старые колеса от арбы. Стремясь всячески затруднить отъезд, снимали мостик через арык, надрезали узду, выстраивались по дороге с палками и били гостей, сталкивая их в воду. Пытаясь бежать, гости садились в арбу, но рвалась узда, и лошадь мчалась, куда ей вздумается, или крутилась на месте под ударами палок. Обычно во время проведения обряда гнев чакылык бывало много несчастных случаев.

Описанные обычаи являются пережитком патриархально-родовой борьбы за девушку между отдельными туркменскими родами. Род невесты как бы защищал её от похищения мужчинами другого рода и мстил за это. Приглашение зятя нередко откладывали на долгие годы, иногда до самой старости, так как той обходился очень дорого и собрать средств на его устройство было нелегко.

Сарыки всячески заботились о том, чтобы их умершему родственнику не пришлось «на том свете» питаться только песком (агзы гум гырбап ятмак). Духовенство говорило: «Берениң өзи билен гитмели (все, что отдашь в день смерти, пойдет с умершим на тот свет)». Поэтому похороны всегда разрушительно отзывались на хозяйстве, но духовенству они приносили большой доход. В первый (душек аш), третий (учи), седьмой (едиси) и сороковой дни (кыркы) полагалось резать возможно больше баранов, головы и ножки от которых надо было отдать духовенству. В поминальные дни приглашали муллу или ишана для произнесения заупокойной молитвы (аят окатмак). Кроме того, родственники умершего должны были хотя бы один раз прочитать по умершему весь коран, для этого предпочитали пригласить духовное лицо (кары), знающее коран наизусть. За это полагалось не меньше барана. Обычно рекомендовалось давать кары крупный скот—верблюда, лошадь или корову.

У постели умирающего, который лежал обычно у очага, собирались его ближайшие родственники и просили у него прощение, говоря: «Агыран — ынжан ериң болса разы бол (прости меня, если когда-либо причинил тебе какую-либо боль)». Умирающий должен был прочитать отходную молитву (келеме омурмек). Если он уже не мог говорить, за него

читали родственники. Около умирающего сидели мужчины (а если умирала женщина, — то женщины), держа в руках смоченную вату. Сидевшие беспрестанно плакали, повторяя: «Бизи ташлап гитме (не уходи от нас)». В последний момент они подносили смоченную вату и капали ему в рот воду, чтобы умирающий не выпил воды из рук «шейтана».

Закрывая умершему глаза, просили у него прощения и всячески восхваляли его. По поверью, если у умершего глаза не закрывались, то значило, что он был чем-то недоволен и на кого-то зол. Отсюда распространенная в быту сарыков угроза: «Гезими ачип гидерин (если не послушаете, умру с открытыми глазами)».

Покойнику закрывали лицо. Мужчины выходили из кибитки и, уткнувшись лицом в её камышковые стены¹, начинали плакать в голос, произнося «вай» (ой) и добавляя: «догон», «огул» или «акка» (то есть брат, сын или отец) в зависимости от того, кто умер.

Женщины плакали в кибитке, повернувшись лицом к стене. Заунывными голосами они пели слагаемые ими ритмичные причитания, содержавшие восхваление заслуг покойного, тяжесть положения оставшихся, выражающие недовольство обидевшими чем-либо покойного при жизни. При перечислении этих обид завязывался своеобразный диалог между причитающими, так как жалобы задевали сына, мужа или отца кого-либо из них. На этой почве нередко начиналась перебранка, доходившая до серьезной ссоры.

После оплакивания умершего переносили в его «дул», (то есть на мужскую или женскую «половину» кибитки) и клали его ближе к «төр». Ему выпрямляли ноги и связывали большие пальцы. Руки укладывали вдоль тела. Затем закрывали его одеялом и больше уже никто не имел права к нему подходить, даже близкий родственник, только что приехавший издалека, кроме тех, кто должен был его обмыть, так как умерший считался «джынсы уйтгән», то есть превратившимся в неземное существо. Мужчины или женщины², которые должны были обмыть покойника, предварительно совершали особые обряды (тәрет гылмак). Они загораживали покойника занавеской (туты) из одеяла или паласа и обмывали его, подстелив люцерну или клевер с бледнолистной солянкой (чогон). После обмывания покойника заворачивали в саван (кепин) и укладывали на специальный палас (намазлык), предназначенный для чтения молитвы.

¹ Текинцы плакали лежа.

² Если умер мужчина, то обмывали мужчины, если женщина—то женщины.

До выноса из юрты совершали обряд (дөвүр). Мулле подносили тарелку с пшеницей, поверх которой были уложены различные серебряные изделия и монеты. Чем тяжелее была тарелка, тем лучше. Мулла брал тарелку, ставил ее перед собой и читал молитву, а затем отодвигал от себя тарелку. Поднеся её мужчина придвигал тарелку обратно, и мулла снова читал молитву. Так повторялось несколько десятков раз¹. Мулла брал себе часть серебра и возвращал тарелку хозяину.

В похоронах участвовали только мужчины. Покойника выносили из кибитки головой вперед, положив его на «табыт» (деревянную лестницу). Табыт опускали на специально расчищенное место (джыназа ер) для выполнения обряда—коллективного моления (джыназа).

Хоронили покойника на кладбище (өвля). Могила (гор, габыр) разделялась на три части: «улы өй» (большая комната), «агыз» (вход) и «сахана» (внутренняя комната). Улы өй представляла собой длинную широкую четырехугольную яму площадью 3 квадратных метра и глубиной 1,5 м, ориентированную по четырем сторонам света. Агыз—постепенно углубляющийся спуск шириной 40 см, прорытый на дне большой комнаты параллельно северной стороне. Сахана — четырехугольная камера, прорытая под западной стеной улы өй и соединяющаяся с ней посредством агыза. Глубина агыза перед входом в сахана 1,5 м. Таким образом, дно сахана находилось на глубине трёх метров. Сахана рыли такого размера, чтобы в ней, кроме покойника, могли поместиться два человека в сидячем положении.

Покойника клали головой на север, обратив лицом к храму Қаабе. Один из сидящих в сахана развязывал саван, открывал лицо умершего и, обращаясь к нему, говорил: «Жайыңы гөр» (посмотри на свое помещение), а затем снова закрывал его. Другой выходил в улы өй, выворачивал наизнанку свою тюбетейку и, прочитав молитву и поплевав на землю, бросал в нее эту горсть земли. Потом он обходил собравшихся, и все бросали ему в тюбетейку по щепотке земли. Тюбетейку с землей он передавал сидящему в сахана. Тот сыпал эту землю на саван, произнося: «Мибәрек болсун» (поздравляю покойника с новым помещением).

Агыз закрывали дерном (чүм), привезенным из болотистой местности, и по обеим сторонам улы өй ставили две бо-

¹ Повторяли столько, сколько было лет умершему, с вычитом «возраста безвинности» (для мужчин—12, для женщин—9 лет). Кроме того вычитали (если умершему было больше чем 63 года) еще один год или же к возрасту добавляли 1 год, если умерший не дожил до возраста, называемого «возраст пророка» (пыгаммар яшы).

ковые палки от носилок, на которых несли покойника (табыт).

Могила закапывали все присутствующие на похоронах поочередно. Лопату не полагалось передавать из рук в руки, один бросал её, а другой поднимал. Лопата, применявшаяся для выполнения такой работы, уподоблялась перцу и луку, которые по обычаям сарыков запрещалось передавать из рук в руки. Всех участников похорон оделяли монетами, завернутыми в тряпочку.

С кладбища возвращались к юрте и, не заходя в нее, в течение некоторого времени оплакивали покойника. Плакали стоя, закрыв лицо руками. Близкие родственники плакали, уткнувшись лицом в стены юрты. Кто не хотел плакать, тот старался придти к юрте попозже. Но придти должны были все, чтобы соблюсти обычай «пата дөкмек», т. е. сбросить горе, насевшее на них у могилы, иначе им угрожала такая же утрата.

Собравшихся угощали чаем и бульоном с мясом (гайнатма). Расходясь, участники похорон желали благополучия родным умершего (ызы ярасын) и благословляли покойника: «Ятан ери ягты болсун (пусть будет светлым помещением умершего)».

В период траура не разрешалось играть на музыкальных инструментах и петь близ юрты. Стирая одежду умершего, не выветривали её наизнанку. Одеядо, которым накрывали покойника, на несколько дней спускали в арык, прикрепив его к растущему на берегу дереву.

Травяную подстилку (йүвисге), на которой обмывали покойника, относили куда-нибудь подальше от аула. Подходить к этому месту считалось опасным, так как его якобы охраняли злые духи. Если кто-нибудь случайно наступал на «йүвисге», то так пугался, что долго не мог придти в себя. Отсюда возникла поговорка: «Йүвисге горенинг йүзи ялы» (лицо, как у человека, увидевшего «йүвисге»).

В годовой праздник «гурбанлык» (Курбан байрам) полагалось каждой семье резать барана (только не черного), корову (одну на семь юрт) или верблюда (одного на двенадцать юрт). Шкуры, головы и ноги зарезанных животных надо было отдать духовенству.

У сарыков было много суеверных примет, в основе которых часто лежали легенды, внушенные духовенством.

С религиозными представлениями связан и обычай зарывать остриженные ногти в кибитке, или у двери, или у «гөзенок» (задней решетчатой части, открываемой летом для создания сквозняка). По легенде, когда наступит конец света (ахыр замана), по земле будет проходить Харттечжал

(великан кафир, враг религии ислама). Играя на музыкальном инструменте, он будет привлекать к себе внимание и всех, кто присоединится к нему, поведет в ад (довзох). Закопанные ногти в это время превратятся в «ишан гул» (розы ишана) и отвлекут мусульман от Харттечджала.

Несомненно, с представлением о злых духах было связано предубеждение против коня со светло-коричневой (ал) гривой, которого они отдавали за полцены, веря, что он якобы приносит несчастье. Убивали щенка, если у него было два черных пятна над глазами. На коня, верблюда, осла сарыки садились справа, а слезали слева. Обувались с правой ноги, разувались с левой. Ступали сначала правой ногой.

Строго соблюдая религиозные обряды, сарыки в то же время создавали пословицы, обличавшие духовенство. Например: «Моллаң диенини эт, еденини этме (что скажет мулла — делай, а что он сам делает — не делай)». Жадность мулл, их изворотливость и лицемерие заклеяны во многих народных изречениях: «Сопы соган иймеэ, тапса габыгны гоймаз (суфий не станет кушать лук, но если он ему достанется даром, не оставит и шелухи)», «Аланда бар, беренде ёк (получить — он тут, а отдать — его нет)».

До революции среди туркмен-сарыков были распространены различные виды болезней, особенно лихорадка (малярия).

В 1892 году лихорадка унесла в одном приставстве уезда чуть ли не 15—20% населения, а «...в 1896 году в Мервском уезде, в районах Отамыш, Тохтамыш и Пенде переболело лихорадкой 87 899 человек, т. е. не менее 7/8 всего населения (в названных районах числилось населения всего 107 159 чел.)»¹. «Брюшной тиф, появляясь почти в одно и то же время, в начале осени, с развитием наибольшей заболеваемости лихорадками, принимает иногда характер небольшой эпидемии»². Среди дореволюционных сарыков, кроме массовых болезней — трахомы, туберкулеза и т. п., — была распространена пендинка (кожный лейшманиоз).

Пендинка впервые обнаружена русскими в Пендинском приставстве, откуда и получила свое название³.

Поскольку медицинская помощь в Закаспийской области до революции фактически отсутствовала, местное население пользовалось услугами знахарей (тебиб), «хайты» (костоправов), «порхан» (шаман), «хирургов» (ганалгыч), мулл и проходимцев, приезжающих из Бухары, Афганистана и Персии, «лечение» которых часто приводило к несчастным случаям. Муллы лечили заклинаниями: взяв кусок соли, они читали

¹ К. М. Федоров. «Закаспийская область», Ашхабад, 1901, стр. 212.

² Там же, стр. 215.

³ К. М. Федоров. Закаспийская область. Ашхабад, 1901, стр. 215.

молитву и, три раза плюнув на соль, отдавали её принесшему подарок (аклык); больной либо съедал соль, либо носил её при себе, зашив в кусок материи в виде треугольника; иногда мулла писал имена бога, обычно чернилами, изготовленными из сажи, на двух отдельных бумажках, складывал их отдельно в треугольники и отдавал больному, чтобы он одну из них положил в воду и выпил её, а из другой сделал себе талисман (дога) и носил при себе. За это муллы получали вознаграждение, состоявшее из барана, халата, коровы и т. д.

Порхан лечил следующим образом: больного сажали посреди комнаты (если он был не в состоянии сидеть, то окружали его одеялом), выгоняли всех, чтобы его болезнь не перешла к другим. После этого порхан с криком и особым тоном произносил имена всех «злых духов» и, крутясь и прыгая вокруг больного, каждый раз бил его кнутом и говорил: «чык» (выходи), «гач» (убегай)¹. С течением времени порхан входил в экстаз и беспрестанно бил кнутом больного. В случае, если больной умирал во время «лечения», то порхан объяснял это победой злых духов (жынлар өкде чыкды). Он обычно объяснял, что среди вызванных им джинов, один оказался сильнее его.

Способ лечения хайты заключался в том, что он руками проверял место полома или же вывиха. Если был вывих руки, то, сильно потянув руку больного, он приводил сустав в прежнее положение (ерине салмак). Если был перелом, то он старался соединить кости в месте перелома, закрепляя больную часть раствором, изготовленным из пшеничной муки. Во многих случаях хайты лечил, основываясь на опыте как своих предшественников, так и своем собственном.

«Хирург» разрезал фурункул или язву острым ножом или же перевязывал чирый, положив на него «мелхем» (кусок свежей, только что содранной бараньей шкуры или же листья различных растений, вымытые холодной водой и вытертые одеждой, или же хозяйственное мыло, смешанное с вареным луком, салом, маслом и т. д.). Кровь «хирург» пускал при помощи жгута и острого ножа (лештер). Если у человека была сильная головная боль (чакыза), то кровь пускали из висков (чекке), что во многих случаях приводило к слепоте.

Способ лечения тебиба заключался в основном в соблюдении диеты (берхиз) и употреблении различных видов трав или же их концентрата, а также свежей бараньей шкуры и

¹ По объяснению порхана, «злые духи» размещались между мясом и кожей больного, а «лечащий» должен вызвать их по именам, избить и выгнать.

т. п. Народная медицина, основанная во многом на знании качеств различных растений и их правильном применении, а также на наблюдении за действием тепла и холода, помогала людям в их недугах, но все же в большинстве случаев невежественные тебибы обманывали людей и калечили их.

Во всех случаях тебиб и другие «лечащие», после окончания «операции», ладонями ударяли 3 раза о землю, повторяя вслух слова: «даглара бар, дашлара бар (иди к горам, иди к камням)», что означало: «выгнал» болезнь к каменистым горам. После этого больной или его родственники давали «аклык» и говорили лечащему: «танры ялкасын (пусть славит тебя бог)»; тот, в свою очередь, вторил им: «хемме кишини биле ялкасын (пусть всех нас вместе славит)». Перед уходом лечащий обращался к больному: «Эмиң, ёмың шу болсун (пусть эта «операция» будет последней)», что означало пожелание лекаря, чтобы его «операция» вылечила больного. Больной и другие говорили: «Иншалла» (дай бог, пусть будет так).

В качестве аклык старались преподнести самую лучшую вещь, чтобы расставание с этой вещью принесло печаль, ибо лечащие обычно говорили, если не будет жалко самому хозяину вещи, предназначенной для аклык, то лечение не принесет никакой пользы больному.

В прошлом туркмены-сарыки были почти сплошь неграмотными. По словам Н. И. Гродекова, «читать и писать у туркмен знают только муллы, обучающиеся в Хиве или в Бухаре»¹.

В 1890 году в Мервском уезде на 104 121 жителей приходилось 32 мектеба и 5 медресе с 874 учащимися — одна школа на 2815 жителей, а в Пендинском приставстве, имевшем около полутора десятков тысяч жителей, была только одна школа².

В дальнейшем число этих училищ несколько увеличилось. По Мервскому уезду за 4 года (1890—1894) «число школ увеличилось приблизительно на 70%, а число учеников больше чем удвоилось»³.

В Пенде за 18 лет (1890—1908 гг.) число мектебов также увеличилось; кроме этого, появилось 3 медресе с 26-ю студентами.

Увеличению количества учебных заведений способствовали, с одной стороны, муллы Хивы и Бухары, с другой — царская администрация «сама находила возможным заботиться о постройке медресе в местностях, где отсталая жизнь имела

¹ Н. И. Гродеков. «Война в Туркмении», т. I, Спб., 1883, стр. 85.

² ЦГА ТССР, № 736, л. 263—268.

³ ЦГА ТССР, ф. 1, оп. 2, д. 7769, л. 208—210.

более установившийся характер и этим способствовала укреплению туркмен в магометанской вере»¹, так об этом писал начальник Закаспийской области.

Начинающий ученик приносил с собой маленький кусок кошмы для сидения и дощечку размером с лист бумаги, имеющую ручку (тегек), за которую привязывалась веревка, перекинутая через плечо сбоку. Ученик давал эту доску учителю вместе с деньгами, и учитель писал на одной стороне все знаки арабских букв (элипбий) чернилами. С течением времени ученик, вызубрив эти буквы, сдавал экзамен и получал новый урок (сапак), называвшийся «элбисине». Для этого учитель, взяв доску у ученика, ставил над буквами надстрочные (элбисине, элботур), и подстрочные (элбасын) знаки, употребляющиеся в арабском алфавите. После сдачи второго урока учитель добавлял еще надстрочный знак, называвшийся «элбукусун». После сдачи третьего и последующих уроков ученик должен был каждый раз чистить дощечку (тагта). Учитель рекомендовал чистить ее языком. Обычно ученик лизал языком доску, проглатывая чернила и грязь, а затем мыл её водой, так как существовало суеверие, поддерживаемое самим учителем, что кто больше «проглотит этих букв», у того повысится способность к учению.

После сдачи девятого урока ученик бросал доску. Это называлось «тагтадан чымак» (дословно: выйти из доски), что означало конец «досчатого периода» в жизни ученика, который отмечался приношением подарков учителю. Этот период обычно длился 2—3 года, если не больше. После этого ему покупали хафтиек (одну седьмую часть корана). Хафтиек состоял из нескольких десятков уроков. Ученик, вызубрив один урок, шел, также как и раньше, к учителю и, прочитав вызубренный текст, переходил к следующему уроку. Предпочитался (во время занятий) ответ урока наизусть.

Мектеб состоял из одной классной комнаты, но она фактически заменяла несколько классов, то есть вместе учились и начинающие и заканчивающие, там были отделения для девочек и мальчиков. Во время урока учитель обычно сидел у одной из стен класса², а у остальных стен в один ряд на согнутых коленях, держа перед собой книгу или дощечку, сидели на земляном полу учащиеся. Все зубрили

¹ ЦГА ТССР, ф. 1., оп. 2, д. 7769, л. 208—210.

² Если учеников было много, то учитель сидел посреди комнаты спиной к заканчивающим мектеб ученикам.

вслух, раскачиваясь из стороны в сторону. Учащиеся так громко читали, что почти все были охрипшими, ибо чем больше было шума, тем довольнее был учитель. Но многие из них пели песни, делая вид, что читают свой урок, так как во время зубрежки предпочиталось как можно чаще и дольше отводить глаза от книги или доски.

У кого из учащихся знаний было больше, тот сидел около учителя; начинающие должны были сидеть у двери ближе к девочкам.

В руках учителя была длинная палка (чызык) из тутового дерева или же гребенщика; он сидел и наблюдал за учащимися, чтобы они не дрались, не пели песен и т. д. Учитель во время урока мог читать книги, пить чай, обедать, принимать посетителей — больных или их родственников, получая от них аклык.

Во время урока каждый ученик имел право есть, подойдя к учителю, спросить непонятное ему слово. Когда ученик уходил из мектеба, то брал с собою палочку (эдеп чоп — палочка дисциплинированности), висевшую у двери, говоря: «Моллам-эдеп» (учитель мой — дисциплина), это означало, что он обещает учителю вести себя на улице дисциплинированно. При малейших нарушениях внутренних правил учитель избивал виновного ученика.

Когда ученик жаловался на жестокость учителя, то обычно родители делали ему внушение, говоря: «Моллан чыбыгынын деген ерине довзах оды дегмез (на те места, куда попала палка учителя, не попадет огонь ада на том свете)».

Учащиеся приходили в мектеб рано, с восходом солнца, и без перерыва сидели до «гунортан» (середины дня)¹. Потом их отпускали домой на обед. Через 1,5—2 часа (ойлан) опять приходили в мектеб и сидели в классе до «икинди» (канун заката солнца). Не было определенного количества выходных дней, так же как не было определенных каникул. Кто справлял свадьбу, празднество, худай ёлы (жертвоприношение) и т. д., тот подходил во время урока к учителю и, давая ему деньги, просил, чтобы он отпустил учеников на целый день, и учитель при нем же отпускал их. Во время разгара сельскохозяйственных работ также любой мог прийти и, отдав деньги, мог просить отпустить учеников сроком на один-два месяца, и учитель тут же отпускал учеников. Когда нужны были рабочие руки самому учителю, то он предупреждал учеников, чтобы они пришли с инструментами,

¹ Ученики поодиночке имели право выходить во время урока на 2—3 минуты.

без книг, и ученики целый день обрабатывали землю учителя; в этом случае он также отпускал их домой на обед. Обычно учитель отпускал их в «жума гуни» (в пятницу) после обеда, но и в этот день кто-нибудь должен был просить, чтобы учитель взял деньги и отпустил учеников.

Царское самодержавие проводило, как известно, политику поддержки отсталости окраинных народов, в том числе и туркменского народа. Но колонизаторам не удалось извечно держать в темноте забытые и бесправные массы трудящихся.

В октябре 1917 года эти народы во главе с русским пролетариатом и крестьянством свергли власть эксплуататоров. Поднялись на борьбу за свои права и трудящиеся массы сарыков. Величайшие завоевания Октября в корне изменили их жизнь.

На пути социалистического развития они добились сейчас небывалых успехов. Анализ этих достижений приобретает особую убедительность при сравнении современного материального благосостояния и культурного развития колхозников Тахта-Базарского района с тем положением, в котором находились их предки — сарыки Пендинского оазиса — до Великой Октябрьской социалистической революции.

Для примера приведем сведения об одной семье. Семья колхозника Розы Сапар (его жена Розыгюль — дочь Мэтжик аги) имеет четырех взрослых трудоспособных членов семьи. Сам глава семьи, Розы Сапар, несмотря на преклонный возраст, в 1943—1946 годах находился в рядах Красной Армии и после возвращения из Армии работает почтальоном в Союналинском отделении связи. Второй сын Сапар аги — Аллабай Сапар (1899 года рождения) — колхозник. Третий сын, Сатлык Сапар (1910 года рождения), работал учителем, был секретарем сельсовета в своем ауле и до объединения колхозов, в 1930 году — заместителем председателя колхоза, а после объединения колхозов он работает налоговым агентом Союналинского участка райфо, член КПСС с 1944 года. Четвертый сын Чары Сапар в 1930—1934 годах работал колхозником. В 1934—1936 годах проходил военную службу, после чего до 1940 года работал председателем колхоза. С начала 1940 года до Великой Отечественной войны проходил курсы, организованные в областном центре для председателей колхозов. После возвращения с фронта (1943 года), заслужив 2 медали, работал до 1950 года председателем колхоза им. Ворошилова (ныне колхоз им. Димитрова) и из года в год давал хорошие показатели (этот колхоз в 1945 году свой план хлопкосдачи выполнил на 170, а в 1948 году — на 250% и стал колхозом-миллионером). В 1950 году Чары Сапара переводят в его аул, где

он недолго работал председателем колхоза «Первое Мая», который в том же году (с осени) объединился в колхоз «Коммунизм». После объединения этих колхозов он работает заместителем председателя колхоза «Коммунизм». Член КПСС с 1946 года.

Самый младший сын Сапар-аги, Байлы Сапар (1920 года рождения), в 1937 году закончил Союналинскую семилетнюю школу и в том же году прошел курсы трактористов, после чего 10 лет работал трактористом и 2 года шофером своего колхоза. В настоящее время он — агроном Союналинского участка — получает зарплату (см. ниже). Остальные трудоспособные члены семьи (4 человек), в 1950 году выработали 1603 трудодня (каждый в среднем по 400 трудодней) и только за это получили от колхоза около трех тонн зерна и около 18 тыс. рублей деньгами; заплатили из этой суммы налог 2500 руб. и на такую же сумму купили облигаций госзайма. Кроме того, сам Чары Сапар (председатель или заместитель председателя колхоза), а также его брат Байли Сапар (агроном) приносили в семью ежемесячно зарплату более чем полторы тысячи рублей. Для обеспечения семьи продуктами посеяли необходимые виды овощей. Имеют десятки баранов (для мяса), одну корову (для молочных продуктов). Поэтому деньги в основном расходуются на культурные потребности семьи. Они построили 2 дома с айванами. Один из домов предназначен специально для гостей. Семья приобрела патефон, радиоприемник, мотоцикл. Три раза в день питаются горячей едой, состоящей из супа, плова, жареного мяса и других блюд. Зажиточно и культурно живет эта большая трудовая и дружная семья колхозников. И таких семей не мало в колхозе «Коммунизм» Тахта-Базарского района.

Изменения в производственной и общественной жизни колхозников оказали сильнейшее влияние на повышение культуры колхозников и на рост их сознательности и, естественно, повлекли за собой также изменения и их семейного быта. Теперь их семейный быт развивается на основе новых взаимоотношений членов семьи. В основе этих взаимоотношений лежат дружба и равноправие, взаимопомощь в работе. Уважение к тем или иным лицам определяется теперь авторитетом, завоеванным трудовыми успехами, высокими моральными качествами.

Например, в колхозе «Коммунизм» в семье, где жили Герой Социалистического Труда Оразгуль Агаджанова со своей свекровью (гайын эне), деверем (гайын ага), женами её двух деверей (гайын кеджи), золовкой (балдыз) и другими, наибольшим авторитетом пользовалась Оразгуль. В семье орде-

поносца председателя колхоза Курбана Сарыева живут его отец, мать, сноха, шурина (йугриджи) и другие, но самым почетным человеком в семье является Курбан Сарыев.

За годы Советской власти произошли значительные изменения в семейном быту потомков туркмен-сарыков. Это сказалось прежде всего на изменении положения женщины, на отмирании целого ряда вредных обычаев и нравов старого семейно-бытового уклада. Ряд приведенных примеров говорит об активном участии женщин в общественном труде. В районе, однако, еще мало женщин на руководящей работе.

Благодаря решительной борьбе общественности и советского законодательства, случаи продажи девушки за калым теперь являются большой редкостью. Однако некоторые старинные свадебные обычаи сохраняются еще до сих пор среди отсталой части колхозников, которые перед свадьбой приносят в дом невесты серпай, являющийся, по существу, частью калыма. Соблюдается в этих случаях и оплата за открывание двери (гапы хаки, палас хаки) и т. д.

Необходимо, однако, отметить, что многие из старинных свадебных, праздничных обрядов, вредные и опасные для жизни человека, в настоящее время полностью исчезли или сохранились в сильно измененном виде. Они приспособлены к новым отношениям людей. Теперь за невестой едут в автомашинах и женщины и мужчины, и никто не трогает жениха, как это имело место раньше во время свадебной церемонии.

Различные виды состязаний, игр, связанные со свадьбой, сохраняются и до сегодняшнего дня, например, «гек бери», «баш салмак» (надеть шапку невесте), «той бермек» (угощение), слушание бахши, борьба «гөреш тутмак» и т. д.

Для примера опишем новую свадьбу. Колхозник Джумагельды женился на девушке Аманлык в августе 1951 года. День свадьбы заранее был согласован с руководителями колхоза. Колхоз выделил ему несколько верблюдов для перевозки дров для приготовления свадебного кушанья. В день свадьбы колхоз выделил ему две грузовые машины, необходимые для поездки за невестой. В кузовах грузовых автомашин, застеленные кошмами, сели женщины и мужчины. Жених сел в кабину первой машины. Машины подъехали к дому невесты. Все гости, в том числе и жених, чувствовали себя свободно и весело. Гости-мужчины оставались около машины, а женщины отправились в комнату, где ожидала невеста. Близкие родственницы невесты дружно их принимали, но не выпускали до тех пор, пока родственник жениха не дал им немного денег. После чего они проводили невесту до машины и помогли ей сесть в кузов машины, где

она была сразу окружена родственницами жениха. Жених опять сел в кабину, и машина тронулась.

В доме жениха было устроено празднество. Гостей угощали кушаньем «догромо». Невеста находилась в комнате старшего брата жениха, где её окружали вниманием девушки и молодые женщины. После угощения «брачной водой» жениха привели в комнату, где сидела невеста. Появление жениха означало, что все женщины и девушки должны покинуть комнату. По старому обычаю, жениху давали кнут, которым он должен был бить тех, кто находился в комнате, где сидела невеста, чего, конечно, в данном случае не было. После этого попросили жениха показать невесту. Жених открыл окошко, и юноши и девушки смотрели на невесту. Затем новобрачных оставили в покое. Утром жених ушел и до ночи не входил в комнату, где в окружении девушек и молодых женщин сидела его молодая жена и куда его опять привели друзья. Во вторую ночь юноши и девушки опять смотрели в окошко на молодую невесту. На третий — совершили обычай надевания топбы (баш салмак). Спустя 10—15 дней приехали чагырыджы, а через неделю после этого невеста уехала в город учиться.

Несмотря на существование некоторых патриархально-родовых пережитков дореволюционного семейно-бытового уклада современная туркменская семья коренным образом отличается от прежней. В основе взаимоотношений супругов лежит взаимная любовь и уважение.

В результате победы колхозного строя у потомков туркмен-сарыков сложились новые общественные отношения. Колхоз стал основой хозяйственной и общественной жизни сельского общества. Колхозники принимают активное участие в руководстве колхозом. Это руководство выражается, в первую очередь, в активном участии колхозников и колхозниц в делах колхоза.

Коллективный труд сплотил колхозное крестьянство. Результаты повседневной работы среди населения коммунистов, агитаторов и пропагандистов, выступающих с лекциями, докладами, повседневное влияние прессы, радио, школы, кино и т. п. благотворно сказались на перевоспитании широких трудовых масс колхозного крестьянства. Новые производственные отношения, коллективная собственность явились той базой, на которой сформировалось новое социалистическое сознание тружеников колхозного села.

Особенно ярко проявились новые качества морального облика туркменского колхозника в годы Великой Отечественной

войны. С первых же дней после нападения гитлеровцев на нашу Родину туркмены-колхозники колхоза «Коммунизм»: Гелди Дөнмаз, Алламырад Бердал и многие другие, подали заявление об отправке их на фронт и там с оружием в руках защищали Советскую Родину.

Не только успехами в колхозном труде, но и личными пожертвованиями помогали колхозники фронту. На свои сбережения они купили самолет и подарили его Советской Армии. Женщины и девушки отдали многие свои серебряные украшения, переходившие из поколения в поколение, в помощь фронту (около центнера серебряных изделий).

Громадные сдвиги произошли в области народного просвещения. В первые годы Советской власти с установлением и упрочением Советов на местах на базе русско-местной школы в центре Тахта-Базара был открыт интернат¹ с начальными классами, куда брали в первую очередь детей батраков и бедняков. Там их одевали, обували, кормили, обучали русскому языку и другим предметам. «Впервые в жизни я спал в чистой постели, а также оделся в чистое белье», — вспоминает Абды Овезниязов (ныне секретарь парторганизации колхоза «Коммунизм»).

Между нарождающимся новым и отживающим старым развернулась борьба. Враги народа распространяли слухи ложные и провокационные о новых советских школах и интернатах. Вредная пропаганда не могла не повлиять первое время на некоторых учащихся интерната, но, несмотря на это, нельзя было остановить движение вперед. Так, первая школа нового типа была организована в доме крупного бая из союзалинцев Говшут бая, который со своими сообщниками всячески угрожал крестьянам, требуя, чтобы они бойкотировали эти мероприятия. Об этом рассказывает нам первый ученик школы (ныне председатель колхоза «Коммунизм»). Курбан Сарыев: «Мы все боялись Говшут бая и его сообщников — никто не решался идти учиться. Потом решили бросить жребий (бийидже). Жребий пал на меня (бийидже галмак), и я должен был идти от имени «дуюджинцев». «Овезлерцы», «посоцы» и др. родовые подразделения сарыков поступили так же. Каждый день издевались над нами сыновья Говшут бая, на третий день они крепко избили меня, и я перестал посещать школу».

Однако работники местных советских и партийных органов повели решительную борьбу за новые мероприятия. Тахта-Базарский волисполком в марте 1923 года в своем докладе

¹ Марыйский Облархив, ф. 371, оп. 1, д. 8, л. 4.

писал, что «работа волисполкома и аулсовета всецело сводилась к поднятию просвещения и уничтожению басмачества...»¹

С течением времени союналинцы заняли дом и Гуллы Эмин бая Мамедова под ликбез и под начальную школу, где ликвидировали свою неграмотность бывший батрак Маммед Язмурадov, (он работал в свое время заведующим животноводческой фермой колхоза «Коммунизм»), Герой Социалистического Труда Язмухаммед Бегендиков, а также председатель колхоза «Коммунизм» Курбан Сарыев, героически павший за родину в Великой Отечественной войне Акмурад Денмезов и др.

Местные органы власти всячески поощряли получивших удостоверение (шахадатнама) о ликвидации неграмотности. Имевший на руках такое удостоверение разрешал свои вопросы во всех учреждениях района вне очереди, пользовался некоторыми льготами² и т. д. Дело народного образования из года в год укреплялось. В 1929 году было построено первое школьное здание местного типа в ауле Беденг на средства государства. С течением времени в колхозе «Коммунизм» построена двухклассная школа городского типа. В 1937 году Союналинская начальная школа была преобразована в неполную среднюю школу с 280 учащимися.

В настоящее время все дети школьного возраста учатся в этой школе.

Неизмеримо выросла культура туркмен-колхозников — чтение журналов, газет и другой политической литературы стало их потребностью. Колхозный клуб и имеющиеся при нем библиотека, читальня, а также школьная библиотека имеют сотни книг, которые читаются всем населением³. В настоящее время население систематически получает республиканские издания⁴, а также газеты областные и районные⁵. Кроме того, колхозники, колхозницы, ученики и учителя выписывают и получают лично газеты и журналы. Только в 1951 году они получили 130 экз. республиканской газеты

¹ Марыйский облгосархив, ф. 371, оп. 1, д. 37, л. 12.

² Там же, ф. 216, оп. 2, д. 6, л. 67.

³ «Правда», «Известия», «Хлопководство», «Учительская газета», «Комсомольская правда», «Пионерская правда», «Огонек», «Коммунист», «Вожатый», «Вокруг света», «Социалистическое земледелие», «Советская педагогика», «Библиотекарь», «Народное образование», «Молодой большевик», «За мир», «Новый мир», «Крокодил», «Физкультура и спорт», «Молодой колхозник», «Работница», и ряд других, включая и «Мурзилку».

⁴ «Туркменская искра», «Совет Туркменистаны», «Комсомол Туркменистана», «Яш коммунист», «Мыдам тайр», «Коммунист», «Совет эдебияты», «Блокнот агитатора» на туркменском и русском языках, «Токмак» и др.

⁵ «Марыйский рабочий», «Ленин байдагы».

«Совет Туркменистаны», не говоря уже о других газетах, журналах, а также методической литературе, предназначенной для родителей и учителей.

Колхозники, колхозницы и молодежь почти каждый вечер собираются в клубе слушать лекции или же смотреть кинофильмы, а также постановки артистов Областного театра им. Кемине, Республиканского театра драмы, слушать песни местных бахши и выступления школьного драмкружка, которой показал ряд постановок, в том числе «Джемал» Г. Мухтарова, где активно участвовали и девушки.

Но, несмотря на большую тягу колхозников и колхозниц к лекциям, просмотру кинофильмов и т. д., некоторые пережитки прошлого все еще сказываются. Так, некоторые женщины и девушки, по привычке, сидят отдельно от мужчин во время собраний, сбора, несмотря на то, что во многих случаях колхозницы уже перестали обособляться от мужчин.

Из имеющихся в правлении колхоза радиоприемников пять находится в культурно-просветительных учреждениях, в которых благодаря этому создается возможность организации и коллективного слушания радио. Кроме того, в колхозе часто проводятся агитаторами читки газет и беседы на хлопковом поле и в песках — среди пастухов. Агитаторы, прикрепленные к каждой бригаде и каждому звену, кроме сообщения колхозникам о достижениях нашей страны в строительстве коммунистического общества, выпускают боевые листки в звеньях. В них отражаются ход и пятидневные результаты работы по сообразительностям, взятым на себя отдельными колхозниками, звеньями. Цель общеколхозной стенной газеты тоже направлена на поощрение передовиков производства и на справедливую критику отстающих. В колхозе работают кружки по изучению истории КПСС. Во время каждого праздника РК КПТ выделяет для колхоза подготовленных товарищей, речь которых слушается на общем колхозном собрании, посвященном знаменательной дате, а также для усиления агитмассовой работы и антирелигиозной пропаганды среди населения.

Кроме вышеупомянутых культурно-просветительных мероприятий, большое влияние на переделку сознания колхозников оказывали имеющиеся в двух поселках колхоза «Коммунизм» школы. В колхозе на 224 хозяйства имеется 216 учащихся и 12 учителей. Особо важно отметить тот факт, что около 50% всех учащихся составляют девочки — пионерки и комсомолки, а из трех учительниц — одна русская и две туркменки, причем одна из них уроженка данного колхоза. Эти девушки, девочки и учительницы приходят в школу, оде-

ваясь и причесываясь по-новому, в соответствии с правилами школьной гигиены сидят в классе без головного убора, а уходя домой, они не только стараются вести себя в семье, так же как в школе, но постепенно прививают эту традицию и другим.

Историческое и этнографическое изучение хозяйства и быта туркмен-колхозников Тахта-Базарского района показывает грандиозные успехи колхозного строя.

Хозяйство туркмен-сарыков в прошлом характеризовалось чрезвычайно низким уровнем развития производительных сил, крайней отсталостью орудий производства. Оно носило в значительной степени полуаграрный характер. Преобладающая часть туркмен-сарыков вела нищенское, полуголодное существование.

Новое социалистическое хозяйство колхозной Туркмении коренным образом отличается от единоличного нищенского хозяйства прошлого. Колхоз «Коммунизм» — многоотраслевой колхоз, в котором помимо важных отраслей хлопководства и животноводства развито шелководство, разведение фруктовых деревьев и виноградников. Колхоз занимается птицеводством и пчеловодством.

Широкое внедрение передовой сельскохозяйственной техники в общественное хозяйство колхозов привело к увеличению производства продуктов земледелия и животноводства. Ушли в прошлое примитивные орудия труда — омач, мала. Перестраивается оросительная сеть, осуществляется переход на новую систему орошения.

Увеличение колхозного богатства, успехи в области материального производства обеспечили зажиточную жизнь колхозникам, создали реальные условия для поднятия культурного уровня и привели к большим изменениям условий быта и жизни трудящихся крестьян изучаемого нами оазиса.

Колхозный труд превратился в дело чести, доблести и геройства. В процессе коллективной трудовой деятельности сложились новые отношения между крестьянами, основанные на товарищеской взаимопомощи, дружбе.

Неизмеримо возросла в общественном труде активность женщин.

Коренным образом изменились материальные условия жизни туркмен-колхозников. Национальные традиции туркмен в социалистических условиях развиваются в новых формах. На месте жалких кибиток и камышовых шалашей теперь в социалистическом поселке высятся большие светлые многокомнатные дома.

В центре поселка размещаются парк культуры и отдыха, культурно-бытовые и административные здания (клуб, столовая, магазин, детские ясли, правление колхоза и др.). Планировка аула удовлетворяет новым, возросшим требованиям культурной жизни колхозников, новым экономическим запросам коллективного хозяйства.

В новых условиях с победой колхозного строя даже наиболее устойчивые среди других элементов материальной культуры — комплекс женской одежды — подверглись серьезным изменениям, сохранив свою национальную форму.

Неудобный головной убор женщины — топбы — заменяется красивым платком. Однако ношение топбы, пуренджек и яшмак полностью не изжито, и имеет место главным образом среди женщин старшего поколения. Бытование подобных пережитков отсталого прошлого свидетельствует о недостаточности культурно-просветительной работы в ауле.

Почти все мужчины, за исключением отдельных стариков, в настоящее время носят покупные рубашки или же сшитые из фабричной материи, со своеобразным воротом, вышитым местным орнаментом.

Большие изменения произошли и в бытовой утвари жилища. Деревянная посуда вышла из употребления, её заменила фарфоровая, эмалированная и алюминиевая посуда. Появились вилки. Большое распространение получили самовары, фарфоровые чайники и пиалы.

Колхозная зажиточная жизнь сделала доступным для всех крестьян ежедневное и регулярное употребление горячей мясной пищи.

Новая социалистическая семья колхозников характеризуется новыми демократическими отношениями.

Коренным образом изменилось положение женщин: ушел из их жизни целый ряд вредных обычаев и нравов старого семейно-бытового уклада. Однако феодально-байские пережитки еще не изжиты полностью. Еще мало в районе женщин на руководящей работе. Благодаря решительной борьбе советского законодательства и общественности продажа девушек за калым является редкостью. Изжит обычай «дакылмак» (левират). Однако некоторые старые традиционные свадебные обычаи сохраняются еще до сих пор. Иногда родственники жениха приносят перед свадьбой в дом невесты «подарки» — «серпай». Бытуют еще некоторые свадебные обряды, унижающие достоинство женщин, — «эдик чыкарытмак» (дословно — заставить невесту снять сапоги своему мужу), «гушак чөздирмек» (заставить развязать пояс) и др.

Процесс ломки старых семейно-бытовых обычаев еще не закончился. Однако результаты повседневной работы среди населения коммунистов, комсомольцев, агитаторов, влияние прессы, радио, школы, кино благотворно сказались на перевоспитании колхозного крестьянства. Новые производственные отношения, коллективная собственность явились той базой, на которой сформировалось новое, социалистическое сознание колхозников и колхозниц.

Громадные сдвиги произошли в области народного просвещения и культуры.

Советская социалистическая действительность преобразила духовный и моральный облик прежних туркмен-сарыков. Это сказалось на воспитании нового отношения к труду, в проявлении общественных и государственных интересов широких масс трудящихся, в преодолении остатков межплеменной и национальной розни и воспитании интернациональных качеств.

За годы Советской власти трудовые крестьяне изучаемого района, так же как и вся туркменская социалистическая нация, сделали громадные успехи в общественно-политическом, хозяйственно-экономическом, культурно-бытовом отношениях. На деле осуществляются слова великого Ленина о том, что «с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 31, стр. 219.

С. М. ДЕМИДОВ

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ ПЕРЕЖИТКАХ ДОМУСУЛЬМАНСКИХ ОБРЯДОВ И ВЕРОВАНИЙ У ЮГО-ЗАПАДНЫХ ТУРКМЕН

ВВЕДЕНИЕ

Одним из идейных противников успешного прогресса советской культуры и идеологии в настоящее время являются религиозные пережитки. Подобные пережитки двойного рода: с одной стороны, это религия, пытающаяся удержать и упрочить свое влияние среди отсталой части населения, с другой — всякого рода пережитки древних языческих верований. Применительно к Юго-Западной Туркмении эти пережитки проявляются, с одной стороны, в форме ортодоксального ислама, с другой — в виде различных домусульманских религиозных представлений.

Ортодоксальный ислам изучен сравнительно хорошо, и антирелигиозную борьбу, которая ведется на этом фронте, можно считать более или менее удовлетворительной. К сожалению, этого нельзя сказать об изучении и борьбе с домусульманскими пережитками¹.

В настоящее время помимо чисто практических целей — атеистической пропаганды — исследование пережитков домусульманских верований имеет также большое значение

¹ На это обстоятельство справедливо обратил внимание С. А. Токарев в своей сводной работе по этнографии народов СССР (см. С. А. Токарев. Этнография народов СССР, М., 1958, стр. 368 и главу I).